

Евгения Айрих

Дерафима

Книга 2. Судьба взамен

Евгения Айрих

Серафима. Книга 2. Судьба взамен

«Автор»

2026

Айрих Е.

Серафима. Книга 2. Судьба взамен / Е. Айрих — «Автор», 2026

Спустя долгие годы Серафима возвращается в родную деревню. Вновь слышит сплетни о себе, вновь чувствует неприязненные взгляды в спину. Несмотря на прошедшие годы, люди не поменяли к ней отношения. Это и страшит её, и в то же время даёт надежду, что её жизнь изменится в лучшую сторону. Почему вернулась? За кем? Что скрывает женщина? Чего так боится и избегает даже в мыслях? Серафима вновь столкнётся с людской ненавистью и с тем, кого больше всего боится

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Вернулась	6
Глава 2. Встреча	16
Глава 3. Новая учительница	21
Глава 4. Матрёнино горе	24
Глава 5. На картошке	27
Глава 6. Ночной гость	31
Глава 7. Измена не порок?	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Серафима. Книга 2. Судьба взамен

Пролог

Домой Серафима возвращалась поздно.

В доме Самохиных ещё горел свет. Серафима прибавила шаг, чтобы скорее минуть незадачливый дом. Из темноты появилась высокая фигура, мужчина поймал её за руку и притянул к себе. От неожиданности она чуть не вскрикнула, но узнав в незнакомце Дмитрия, успокоилась. Он пристально смотрел в её глаза, словно стараясь прочесть её мысли.

– Вы за мной следите? – гневно проговорила она, тщетно пытаясь высвободить запястье из его крепкой руки.

– Уезжай, – как-то сдавлено вырвалось у него из груди.

Она на мгновение испугалась, но в его глазах светилась тихая боль, которую невозможно скрыть под личиной безразличия или злобы. Замешательство длилось мгновение, перестав сопротивляться и совладав с собой, Серафима приняла на себя строгий вид и с вызовом спросила:

– Это угроза?

– Просьба, – тихо проговорил он и сглотнул.

Она решила, что другого момента не будет приструнить Самохина и медленно нарочито безразлично заговорила:

– Дмитрий Матвеевич, перестаньте меня пугать. Это нехорошо. Мы с вами всего лишь односельчане, а ваша семья уже не знает, как побольнее меня уколоть, какие сплетни обо мне распускать. Я же не говорю дурного про вас и вашу жену, хотя и могла бы.

– Ты о чём? – притянул её к себе, взгляд его был бешеный и колючий

Глава 1. Вернулась

В один из августовских погожих деньков в узком переулке появилась высокая стройная женская фигура. Она, изысканно одетая, неторопливо шла с чемоданом в руке, словно плыла мимо старых, приземистых домов, являя миру своё неземное происхождение.

Старушки, сидевшие на лавках около заборов, с интересом осматривали её, здоровались и недоумевающе провожали любопытными взглядами: в какой дом зайдёт приезжая дама?..

– В таких тухлях и по нашим дорогам?! – с недоумением и завистью покосилась старуха, сидящая на лавочке подле важно пасущихся гусей.

– Кто эт пожаловал?! – высунув нос из-за покосившейся ограды, шамкала беззубым ртом старая сплетница Катька Полосуха, вознамерившись присоединиться к соседкам. – Актриса, что ль, какая? И к кому это она?

– Подикось, по распределению к нам отправили.

– А, мож, тутошня?

– Да ну! К родне приехала. По ней видать, что городская!

– Ага, с такой сумкой! Навсегда, поди уж...

Незнакомка шла, не оборачиваясь на раздосадованных старушек, всего пару раз кивнула им в знак приветствия, слегка улыбаясь уголками губ. Она прошла до конца улицы, где стоял облупившийся от времени, потускневший невысокий дом, поднялась по разохшемуся и скрипучему крыльцу и скрылась в темноте сеней. Бабульки удивлённо переглянулись. Кто-то озадаченно выдохнул: «Серафимка!»

Деревенское радио не дремлет. Эту весть нужно было срочно разнести по всему околотку. Постанывая и кряхтя, старушки поковыляли в разные стороны по своим неотложным делам.

В это время к своей усадьбе подъехал Матвей Егорыч Самохин:

– Стой, окаянный! Тпру! Кому сказал?! – ругался старик на заупрямившегося коня.

Около самого уха проскрипела полуслепая бабушка Нюра:

– Слыхал, чё ли, Серафимка вернулась?

– Чего это? Из города да в нашу глушь? – недоверчиво протянул дед.

– Да, да, – убеждала старушка, качая седой головой.

– Так ты ж слепая! Дальше своего носа ничего не видишь! Почём знаешь? – едко усмехнулся Матвей Егорыч и, не дождавшись ответа, пошёл на свой двор, важно и чинно прихрамывая и ведя за собой строптивного жеребца.

– Так уже вся улица гудит! И бабы видели! Что ж, я врать, что ль, буду?! – обижено кинула вдогонку старушка, махнула рукой и отправилась выше по переулку.

Бабка Нюра неожиданной новостью озадачила Матвея Егорыча, будто землю из-под его ног выбила. И он, погрузившись в свои мысли, сонно распряг коня, кинул в кормушку овса и озадаченно теребя заскорузлыми негнуцимыми пальцами жёсткую седую бороду, проговорил: «Эх, не к добру это! Чего сюда-то вернулась? Других мест, что ль, не нашлось?! Ейная тётка в Павловске живёт! Туды бы и ехала!..»

Многих сразу стал интересовать один вопрос: почему Серафима вернулась в село после стольких лет отсутствия? Не должна была вернуться после позора, который только ленивый не обсуждал в селе. Старушки на лавочках принялись перебирать разные версии: кто говорил – городская жизнь опостылела, другие – семейная жизнь не сладилась, третьи – утверждали, что к Агафье вернулась, ухаживать за больной и ослабевшей старушкой. И с завидным проворством на скорых больных ногах о вернувшейся сироте понеслась молва по улицам. Бабушки шептались, рождались всё новые и новые догадки, по селу разносились сплетни.

Серафима, оставив вещи у порога ветхого дома, поторопилась к бабушке Агафье, которую за долгие годы привыкла считать своей родней. В последнем письме та сетовала, что здо-

ровые её совсем подводит, просила навестить напоследок. «Не знаю, – писала она, и буквы удавались корявыми и неровными, – свидимся ли мы с тобой. Чую, душа рвётся к богу, землю недолго осталось мне топтать». За долги месяцы Серафима впервые получила письмо, наполненное предчувствиями неминуемого, напугалась и, наспех собрав вещи, отправилась в родное село.

К вечеру вся деревня обсуждала и смаковала новость. Кто-то удивлялся решительности Серафимы: «Так Агафья ей даже не бабка! Соседка...». Иные с кривой усмешкой замечали: «Неспроста вернулась». Другие возражали: «Так Агафья же девчонку как родную приняла, когда тётка её бросила на произвол судьбы...»

Но правды так никто и не дознался...

* * *

На краю села одиноко стоял небольшой деревянный магазин. Как правило, у продавщицы Глафиры Васильевны рабочий день проходил сонливо, лишь к обеду заходили за покупками пенсионеры, а потом до шести часов в магазине стояла тишина, и только ребятишки после школы изредка забегали за хлебом.

Дверь тоскливо хлопнула. Из подсобки на звук вышла Глашка, ожидая увидеть покупателей, возвращающихся после работы домой. Она на ходу натянула колпак и вдруг остолбенела: в магазин зашла грузная женщина. Тяжёлое чрево топырило её просторное платье, на полной груди уродливо растянулась кофта, прихваченная парой пуговиц. Она долго не могла отдышаться, испарина на лбу собралась блестящими крупными капельками, и женщина небрежно смахнула их ладонью, в тот же миг столкнулась взглядами с продавщицей.

– Не ожидала, что в нашу глушь зайдёшь. К свекрухи опять приехали? Погостить? – вместо приветствия небрежно бросила Глашка старой подруге и, не дав ей ответить, ядовито заметила: – Я смотрю – ты опять на сносях... Каким по счёту: четвёртым иль пятым?

Татьяна не оскорбилась, но тут же приняла на себя невозмутимый вид, слегка улыбнулась и с лисьими ужимками пропела, с удовольствием протягивая каждое слово:

– Ой, диво-дивное! Вы поглядите на неё! Я прямо удивляюсь!

– Чему это ты удивляешься? – грубо прервала старую подругу Глашка, поправляя смолянистые пряди, выбившиеся из-под белоснежного накрахмаленного колпака.

– Тому и удивляюсь, что до сих пор ты спокойна и весела, – Татьяна игриво провела полным пальчиком по стеклу прилавка.

Глашка удивлённо захлопала пушистыми ресницами и высокомерно протянула:

– Я в толк не возьму, чего ты городишь? Некогда мне с тобой лясы точить, вон, народ после работы сейчас валом пойдёт...

– Ну, так лясы ты принялась точить, а не я! – резко отозвалась Татьяна. – Всё тебе хочется в чужие семьи нос совать. А в своей-то разобраться не хочешь? Чужие дети не дают покоя, так своих заведи... – и вдруг, спохватившись, добавила с загадочным видом, невинно пожимая полными плечиками: – И как эта новость мимо тебя прошла, ума не приложу...

Издавательский тон бывшей подруги раздражал Глашку, тем более за окнами маячили фигуры людей, которые вскоре зайдут и выстроятся очередями – только успевай обслуживать, и, не дай бог, услышат от Таньки то, что не нужно слышать чужим ушам.. Хотела было промолчать, но любопытство взяло верх:

– Не темни! Уж тошно от твоих загадок! – нетерпеливо приказала она и, приблизившись к Татьяне, зло сверкнула зелёными кошачьими глазами: – Ну, что замолчала? Договаривай!

– Ты на меня не шипи! На свекруху свою шипеть будешь! – усмехнулась Татьяна и продолжила с нарочитым безразличием: – Хотя... сама всё узнаешь, когда домой придёшь. Зачем

мне сплетни разносить?! – с этими словами повернулась и ушла, демонстративно хлопнув тяжёлой дверью.

Последние десять лет Глашка почти не разговаривала с Татьяной: та держала на неё крепкую обиду, дружба их рассыпалась незадолго до того, как Глашка выскочила замуж за Дмитрия Самохина. Жизнь их ловко разбросала: Татьяна уехала с мужем в город, приезжала редко. Время от времени Глашка с завистью наблюдала, как счастливое семейство бывшей подруги гуляет по кривым и пыльным улочкам села, как на руках Мишка заботливо держит сына, а Татьяна, неловко переставляя ноги, чинно плетётся рядом, чуть придерживая топорщивший одежду живот. И тогда Глашка со злостью отзывалась о старой подруге: «Мишку детьми пытаются удержать, а он кобелёк ведь знатный. Ему жена что? Пока она на сносях, он по бабам только так шастает!» В другой раз, завидев счастливое семейство, прошипит вслед: «Каждый год, как кошка, ему детей приносит. Во плодovitая какая!» Дмитрию такие речи не нравились, он часто осекал жену: «Не достойны такие слова матери!» В глубине души знал, что самым счастливым он был бы на свете, если бы его дом наполнился весёлым гомоном ребятни. Но Глашка такие разговоры не поддерживала – отмалчивалась или обиженно надувала губы: «А я что поделаю? Я, что ль, одна в этом виноватая?»

* * *

Когда с работы вернулся Дмитрий, жены дома не было, на стол некому было накрыть, поэтому больная и слабая мать таскала тяжёлые вёдра с водой, готовила ужин, переставляя кастрюли на плите. Дмитрий, завидев с порога эту картину, подбежал и перехватил из рук матери тяжёлый чугунок и предупредительным тоном сказал:

– Мам, ты бы полежала! Нельзя ведь!

– Сейчас, сынок, сейчас! – упрямылась она, – пироги ещё поставлю и пойду.

На стук двери выскочил Стёпка. Увидев отца, мальчишка кинулся к нему на шею и радостно заговорил:

– Папка! А ты знаешь, что мы сегодня с дедом делали?

– Что? – не скрывая любопытства, спросил Дмитрий.

– А вот отгадай!

Мужчина улыбнулся и притянул к себе мальчика и как можно серьёзнее, стараясь скрыть улыбку, таящуюся в уголках его губ, проговорил:

– А если пощекочу?

Сильные пальцы, чуть касаясь, скользнули по худым мальчишеским рёбрам. Стёпка запрокинул голову и весело от души рассмеялся, силясь выдавить слова сквозь смех:

– Не надо! Щекотно!

– Ну-ка говори, что вы там с дедом опять мастерили? – с напускной строгостью проговорил Дмитрий.

Просмеявшись, мальчишка глубоко вздохнул и, немного помедлив, воскликнул:

– Сейчас покажу! – и унёсся в комнату.

Об пол громко ударилась сковородка.

– Что ж это такое? – всплеснула руками мать и с горечью посмотрела на рассыпавшуюся по полу картошку, источающую сытный аромат и пар.

Кот с опаской подошёл, принялся к еде, но не притронулся – сел наблюдать за действиями людей.

Дмитрий с жалостью посмотрел на мать, которая с трудом прибрала посуду и, кряхтя, тяжело прошла в свою комнату. Дмитрий проводил её грустным взглядом, у самого в этот момент сердце защемило от тоски и беспокойства за неё.

От тяжёлых мыслей отвлек грохот – уличная дверь сердито хлопнула. На пороге показалась Глашка, торопливо разделась, увидела гору грязной посуды в раковине, сердито фыркнула и принялась её мыть, приняв на себя чересчур занятый вид. Дмитрий недовольно посмотрел на жену, но промолчал, не стал упрекать, ждал, когда сама заговорит, внимательно следил за её движениями и раздражённо постукивал костяшками пальцев по столешнице. Минуты молчания тянулись долго. Дойдя до крайней степени негодования, Дмитрий наконец спросил:

– А мы ужинать сегодня, что ж, не будем?

Женщина поджала губы и со злостью бросила:

– Я только с работы пришла! Иль ты не заметил?! – обернулась и кинула сердито: – Мать твоя не может, что ль, вас накормить?! Между прочим, целый день дома сидит!

– Ты на мать мою не пеняй. Она болеет. Ты разве не видишь? – возвысил голос Дмитрий и, поняв, что говорит слишком громко, с трудом подавил в себе клокодавший гнев и продолжил как можно тише: – Но она позаботилась о нас: картошку приготовила, пироги постряпала. А ты где была? Уже восьмой час!

По высокому крыльцу забухали тяжёлые сапоги Матвея Егорыча, дверь распахнулась и по дому тут же разнёсся запах скотского навоза и сена. Он быстро скинул заляпанные сапоги и, прихрамывая, проковылял к столу, тяжело бухнулся на лавку:

– Фу, умаялся! На Ине нужно было косить. На буграх вся трава ентим летом подчистую выгорела. Нечего жевать скотине, одни будылья торчат, – горько сетовал он. – Я вот помаленьку уже стог свозил за енту неделю, пока тебя дожидаяся! Маленько ещё осталось.

– Опять за сеном ездил? – недовольно переспросил сын.

– Так свозить уж пора! Ты всё никак машину выписать не можешь в колхозе. А скоро дожди! Сено всё вымочит, а если няша на дороге, так не проедешь вовсе! И чего ж? Зимы, что ль, ждать?! По сугробам лазить с вилами?! Уж лучше по́ суху!

Дмитрий взглянул на отца исподлобья и напористо проговорил:

– Я же сказал, что привезу. Машина почти на ходу! На днях и поедем.

Матвей Егорыч ещё что-то пробубнил сердито: не любил он, когда поперёк его слова что-то делается, да и не хотелось ждать – вот-вот зарядят дожди, испортят всё дело!

Дмитрий вновь хмуро посмотрел на отца, но уже ничего не сказал: зачем говорить, всё равно старику ничего не докажешь, только переругаешься с ним, как с драчливым петухом, а толка никакого не будет.

Глашка вынула пироги из духовки, стряхнула их в большую миску. Все её действия сопровождалось недовольным бряканьем и тихой руганью.

Тут выбежал из комнаты Стёпка и протянул отцу деревянный танк, точь-в-точь Т-34, с поворачивающейся башней.

– И как? – мальчуган нетерпеливо елозил на табурете в ожидании оценки своей работы.

– Неплохо, – озадаченно протянул Дмитрий, крутя в руках игрушку. – А гусеницы из камеры сделал?

– Ага.

– Понятно. А у башни разве такой ствол? Он подлиннее будет.

Стёпка внимательно посмотрел на танковую башню, недовольно скорчился и прогундосил:

– Щас доделаю.

Стёпка резво соскочил с табурета и собрался было бежать в свою комнату, но увидел на столе в железной миске остывающие пироги, схватил один и столкнулся с матерью. Она хотела что-то сказать, но пострелёнок, ловко извернувшись, проскочил мимо неё. Глашка успела вдогонку хлестнуть его мокрым полотенцем, возмущённо выкрикнув: «Это что же такое делается, а?!» Мальчонка опроремью направился в свою комнату, вихрем влетел вверх по лестнице, словно не заметив боли, полыхнувшей огнём по спине.

Она частенько за всякие пустяки подзатыльники ему отвешивала, это как «за здрастье»: то банку с вареньем опустошит, пока взрослых нет дома, то блины все до одного перетаскает, то штаны порвёт, то подерётся – в общем, приключений у него было предостаточно. К слову сказать, местные бабы поговаривали, что не любит Глашка своего сына: то лупит, то истошно кричит на мальчика на весь двор, как на пса подзаборного.

Неловкое молчание прервал грохот упавшего табурета. Дмитрий резко встал и стиснул железными пальцами её плечо так сильно, что Глашка скорчилась от боли, но не вскрикнула.

– Не смей мальчика лупить! – низко угрожающе проговорил он.

Женщина дёрнулась, дерзко взглянула на мужа, высвободилась, с остервенением сорвала с себя передник, кинула его на лавку и обиженно удалилась в спальню. Дмитрий, проводив её злым взглядом, сдёрнул с крючка куртку, и вышел во двор, хлопнув дверью.

Матвей Егорыч, до того момента молча следивший за происходящим, тяжело вздохнул, а Екатерина Алексеевна, наблюдавшая эту картину, тихонько подседа к мужу и с горечью проговорила:

– Что ж их мир всё не берёт, а? Уж пора остепениться! Десять лет уж как...

В ответ отец покачал седой головой.

* * *

– Так заходи, заходи, милая! – семена навстречу, радостно встречала гостью сторбленная старушка. – Чайком напою.... Чего в дверях-то застыла?

Агафья подошла поближе к гостье и пристально посмотрела на неё подслеповатыми, выцветшими от старости глазами. От этого пронзительного взгляда Серафиме стало не по себе, и она неуверенно спросила:

– Не узнала меня, бабушка Агафья?

– Так как же не узнала... Узнала. А чего одна? Муж где?

Женщина поёжилась и тихо проронила:

– Не живём мы больше.

Старушка потопала к столу, приговаривая:

– Ох, не хорошо это... К беде это...

– Что? К какой беде? – встревоженно переспросила Серафима, последовав за бабушкой.

– Как это «какой»? Сама, что ль, не знаешь?!

– Нет... – в недоумении пожала плечами женщина.

– Не хитри, всё ты знаешь! – лукаво взглянула на неё старушка и, не отвлекаясь на вопросы, принялась разливать ароматный травяной чай по чашкам трясущимися, непослушными руками.

– Надолго ль к нам? – неожиданно прервала долгое молчание Агафья.

– Навсегда, бабушка, – грустно проговорила Серафима.

– Вона как! Ишь ты! – протянула старушка, и как ни в чём не бывало продолжила: – А я вот, вишь, болею. Руки совсем не слушаются. Помирать, поди-ка уж, скоро придётся.

– А что врачи говорят?

– А что они скажут, коли старость пришла... – бабушка ласково улыбнулась и уселась за стол.

Серафиме показалось, что на миг Агафья вдруг стала прежней.

– Тяжёлая у меня жизнь была: Николая свою в войну потеряла, потом сыновей схоронила. Сколько бог дал мне испить, всё горюшко выпила, до последней капельки. Ох, сколько слёз пролила по сыновьям своим, кабы ты знала. Море-окиян моими слезами наполнить можно было, – тяжело вздохнула, словно вспомнила свои горькие годы, удручённо покачала седой

головой и лишь спустя минуты забытья dokonчила свою мысль, но уже не с грустью, а с нескрываемым лучистым счастьем в глазах: – Осталась мне одна только радость – внуки. Вчерась, вон, Ивану письмецо отправила. Может, навестит внучок... (Серафима потихоньку потягивала горячий чай, не смея перебивать.) – Ах, ты, Господи, ты же с дороги! Поесть даже не предложила! Погоди маленько, погрею супчик.

– Не надо, бабушка! Я так... Домой приду и лапши сварю...

– Лапши она сварит! Не стыдно, внуча? Ты в гости ко мне пришла, а я ребёнка не могу покормить? И даже не кочевряжься мне!

Серафима покорно замолчала, решив не вступать со старушкой в спор. Агафья поставила старый чугунок на газовую плиту, помешала хорошенько, вышла в сени, долго там копошилась, наконец зашла. В руках у неё оказалась была большая эмалированная миска с булочками и золотистым хворостом. Серафима напряжённо наблюдала за её действиями, словно сожалела о том, что потревожила покой бедной старушки.

– Бабушка, одолжи мне постельного белья, – неуверенно попросила Серафима.

– Ты опять за своё? Ты ко мне в гости приехала, значит, у меня и будешь жить! Где твои вещи? В избу носи! Чего сидишь? – возмутилась Агафья.

Серафима сопротивлялась – ей было немного неловко приносить неудобства бальной бабушке. Она бы с радостью осталась. И не потому, что прабабушкин дом, хоть и был на совесть отремонтирован и готов был впустить к себе на постой, однако был пуст и неприютен. Если железная кровать и могла сохраниться, то уже давно покрылась ржавчиной, а подушки, матрасы и одеяла отсырели и сопрели за десять лет. Ей совсем не на чем было спать, но говорить об этом она не хотела – почему-то стыдилась.

За десять лет в доме Агафьи всё оставалось по-прежнему, обстановка невольно навевала старые воспоминания, от которых становилось одновременно и грустно, и тепло на душе.

Искренний и тёплый приём Агафьи навевал воспоминания и чувства, пережитые ей в этом доме. Чужая бабушка для неё давно стала своей, родной. Все эти годы, пока она жила в городе, не было и дня, чтобы не вспоминалась ей Агафья. Откуда-то из глубины донёсся приглушённый старушечий голос:

– Чего молчишь-то?

– Что, бабушка? – встрепелась Серафима, словно пробудившись ото сна.

Агафья досадливо всплеснула руками:

– Что ж ты меня не слушаешь?! Слыхала ль, говорю, что тётка твоя, Любка, сюда приезжала недавно?

– Нет... – рассеянно ответила она, не желая отрываться от приятных воспоминаний, вставших перед её взором яркой трепетной картинкой.

– Так её Лизка замуж за тутошнего паренька выскочила, за Славку Карпова. Он ещё роднится с Самохиными. Ты, что ль, не знала?

– С Самохиными? – задумчиво переспросила Серафима.

– Ой, у них ведь в прошлом году такая свадьба была! Всем на зависть! Младшего, Захара, женили.

– Захара?..

– Поди уж, совсем забыла... Ты ещё с ними на покос ездила. Помнишь?

Серафима ощутила неясную дрожь, зарождающуюся где-то в груди, и вдруг неожиданно для себя выдохнула:

– А Дмитрий?

Агафья словно не слышала вопроса, обрадовавшись живому интересу гостя, рассказывала, не замолкая:

– А Захар-то каким стал! Ни за что тепереча не признать. Такой видный из себя, кудрявый, красивый, статный. Они с месяц тут гостевали у родни, а потом в город вернулись.

Гришка, кстати, тоже в город подался, отучился, на заводе работает, женился. Ежель не путаю, двое ребятишек у него. Но здесь редко бывают, токмо в прошлом году на свадьбе у Захарки. Ох! Видела б ты какую свадьбу Самохины изладили. Всей улицей гуляли, веселились. И я туда же, старая, плясала наравне с молодёжью. Ох...

Бабушка замолчала, окунувшись в воспоминания, а на кухне повисла непривычная тишина. Серафима всё это время внимательно слушала рассказ и совершенно забыла про остывающую тарелку супа. Старушка, словно опомнилась, взглянула на гостью, всплеснула руками и с укором заметила:

– А ты чего не ешь?! Ешь, а то остынет. Кто ж холодным суп ест?!

Серафима улыбнулась и подчинилась приказу.

– Ты гляди, коли у меня не хошь оставаться, то всё, что требуется, – спрашивай! И постельное тебе дам, и перину пуховую с подушками забирай, кастрюли там, чашки-ложки. Не стесняйся! Пока обживёшься – моим попользуешься. А ежели чего другого требуется – по соседям поспрашиваю. они не откажут старушке!

* * *

Низко наклонившись, в дом зашёл Гордей. Он хмуро покосился на свои заляпанные грязью сапоги, остановился у порога, помялся, раздумывая, как возвестить о себе, кашлянул в кулак. В ответ – тишина.

– Хозяева, – прогудел он в пустые комнаты, – есть кто дома?

В дальней комнате послышался шорох, скрипнула кровать, в кухню вышел заспанный Дмитрий, на ходу натягивающий рубаху на сонное тело.

– Что в такую рань припёрся? – хрипло проговорил он, потирая кулаком глаза.

– Так уж день! – недоумённо проговорил гость.

– Я с ночной. В командировку ездил. Четыре часа как вернулся, – хмуро напомнил другу Дмитрий.

– Понятно, – озадаченно проговорил Гордей. – Значит, не помнишь, что накануне я тебя об услуге одной просил, и ты обещался!

– Ну спасибо! – обиженно хмыкнул Гордей. – Ты уже и не помнишь, что накануне я тебя об услуге одной просил, и ты обещался!

– Какой? – зевая, протянул мужчина, уселся на лавку и жестом пригласил друга к столу.

Гордей лениво стащил с ног огромные сапоги, аккуратно отставил их в сторону, сел за стол напротив друга.

– Угощайся, – Дмитрий широким движением откинул с глубокой большой эмалированной чашки расшитое старое льняное полотенце, обнажая гору румяных блинов и, дождавшись, когда друг возьмёт угощение, продолжил: – Ну, а теперь всё толком рассказывай, чего пришёл-то?

Гордей, с удовольствием уминая угощение и запивая ещё тёплым молоком, неторопливо заговорил:

– В общем так... На днях мужики топляки выловили. Ну, как топляки? Их к берегу прибило и заилило.

– Что за брёвна? Осокорь?

– Нет, сосна. Я их выкупил, а теперь забрать бы надо. А то какой-нибудь проныра сопрёт. Ты же знаешь: что не во дворе лежит, то, значит, общее. Хозяева быстро найдутся...

– А почему ко мне пришёл? – непонимающе посмотрел на друга Самохин.

– Так чтоб помог! – опешил Гордей.

– Я что на себе их попру, что ль?!

– Так на газике!

Дмитрий смотрел на друга долго и внимательно, потом прищурился и усмехнулся краем губ:

– Вот это ты придумал! Сидеть тоже вместе будем?

– Ты ведь выписал его! Чаялся сено долмой привезти!

Дмитрий поморщился, вспомнив последнюю перепалку с председателем колхоза: тот все траты до копейки считал, а потом водителям высказывал. Выписать у председателя машину для собственных нужд – вовсе скандала дошло! Пришлось увольнением пригрозить – это накануне уборочной-то! Иначе не согласился бы машину дать на день-другой. А если председатель прознает, что «левак» возил, калымил, так сказать, то вовсе поедом съест.

– Выписал я для себя. А поймают с твоими брёвнами – что я тогда должен отвечать Иванычу?

– Да что ты бучу поднимаешь? Пойдём сначала посмотрим, может, там делов-то на пару часов. Ночью по-быстрому и перевезём.

– Ну да, на телеге, – съязвил Дмитрий, потом немигающе посмотрел на друга, подумал и вскоре встал из-за стола и недоверчиво предложил:

– Ну, пойдём...

На улице тянуло пропахшим и свежим, недавно свезённым во двор сеном. Жалобно заскрипело крыльцо, загромыхали доски под дружной парой сильных ног. Мужчины шагали бодро и широко, направившись в конец переулка, где начинался крутой съезд к реке.

У соседских заборов паслись гуси, впереди стаи чинно вышагивал гусак и призывно гоготал. Гогот, перекликающийся от одного двора к другому, раздавался по всей округе. Около дома деда Николая курлыкали индюки. Издали завидев чужаков, они угрожающе расправляли крылья и грозно шли на прохожих. Птицы не подпускали к себе никого, кроме жены Николая. Женщина подолгу пасла диковинную птицу, усевшись на вросшую в землю лавочку, потому как беспрестанно боялась, что на узкой улочке их задавит нерадивый водитель. Гордей с недоверием относился к индюкам. Дмитрий же не обращал никакого внимания на них, вертел головой и радостно щурил глаза, ослепляемый солнцем и взбудораженный странным чувством, отчего-то в этот день поселившимся в его душе.

– Где оставил-то, хоть? Поди, не подъедешь.

– У трёх ключей, – как можно громче бросил друг через плечо, но не успел договорить, как неожиданно Дмитрий дёрнул его за рукав.

Гордей удивлённо обернулся: друг замер и внимательно всматривался вдаль. Перехватив его взгляд, Гордей заметил около заброшенного Дуняшиного дома молодую женщину, собирающую высохшее бельё с верёвки. Дмитрий пристально смотрел туда, а в памяти уже всплыли неясные, обрывистые эпизоды, вот только эта женщина была тогда ещё школьницей. Сложно было не узнать в ней когда-то задумчивую и стеснительную девушку – Серафиму Надеждину. Гордей посмотрел на друга и ощутил необъяснимую тревогу за него. Он понял, почему на лице Дмитрия отобразилось смятение, а в глазах сухо блеснула печаль. Женщина удалилась в избу, не заметив двух мужчин, глупо уставившихся на неё. Тяжёлые это были воспоминания. Дмитрий сжал до хруста кулаки, сердце его отозвалось странными чувствами, от которых ему стало не по себе.

– Ты чего? – растерянно спросил Гордей, чуть толкнув друга в плечо.

Дмитрий не услышал вопроса, словно пытаясь увериться в увиденном, тихо спросил:

– Она приехала?

– А ты не слышал? Уж давненько...

– И когда? – с трудом сглотнув комок, хрипло проговорил он.

– Так с неделю, считай...

– Неделя, – задумчиво протянул Дмитрий.

Где-то недалеко, в огородах, послышался крик петуха, Дмитрий вздрогнул и тут же скормандовал:

– Пошли!

Теперь уже за скорым и широким шагом Дмитрия не успевал Гордей. Всю дорогу Самохин молчал, погружённый в свои мысли, после недолгих споров, всё же пообещал помочь другу, обратно возвращались в таком же сумрачном настроении.

Гордей даже выругался на себя за то, что в неурочный час обратился к другу, однако умом понимал, что так или иначе этой встрече суждено было случиться, но брала его крепкая досада: «Восемь лет прошло, а чувства, стало быть, не остыли. Увидел её и обомлел... Правильно люди говорят, что старая любовь не ржавеет. И чего она приехала? Что ж ей в городе не пожилось? Там, почитай, столько удобств: печь топить не надо, воду из колодца таскать тоже не требуется, мясо, молоко, овощи – из магазинов бери, сколько хошь. Не надо надрываться со скотиной и огородом. Странная какая-то... Тут-то никого из родных не осталось. Могла бы и к тётке вернуться. Та, поговаривают, неплохо живёт, и дом у неё большой имеется. Неужели не помогла бы племяннице? Поди уж, не бросила б её в беде?»

Дмитрий же, остановившись у своих ворот, пораздумал, резко повернулся и направился в колхоз. Сидеть на месте было невозможно: одолевали тягучие мысли, нужно было куда-нибудь идти и обязательно заняться делом. В гараже в выходные дни никого не было. Он принялся ходить из угла в угол, расставляя ящики с инструментами по своим местам, откидывая сломанные запчасти в угол у ворот, терпеливо и нудно наводил порядок, словно старался разложить по полочкам все свои путанные мысли. Но монотонная работа не отвлекала его от пасмурных мыслей. После обеда отправился домой.

Он и не сразу услышал, как на всю улицу кричал ему отец:

– Митрий! Кому говорят, остановись!

От начала улицы Матвей Егорыч пытался догнать сына, грозно окрикивал его, кидал гневные взгляды на смеющихся поодаль баб, торопливо ковылял за сыном и ругал его на чём свет стоит. «Только погляди, какой стервец! Уже вся округа смеётся надо мной. А ентот даже ухом не ведёт! Надо же – родной сын не признал. Глаза в глаза не признал! Это чой-то такое с им случилось?!» – бурчал себе под нос старый казак, прихрамывая на большую ногу и с остервенением втыкая тросточку в пыльную дорогу.

– Митрий! – голос Матвея сорвался на сиплый фальцет.

Тот хмуро обернулся. Отец приблизился, скрючился, опершись на колени, всё пытался отдышаться.

– Батя? – удивлённо протянул сын.

– Погодь... шас сердце успокоится... и я тебе всыплю, мать ты за ногу!

– Ты чего, батя? – пробасил Дмитрий, искренне не понимая причину отцовского гнева.

– Шас скажу, чего... – хрипло отозвался отец и грозно потряс тросточкой над головой, но лихой бег за сыном скрутил бедолагу так, что он и слова толкового не мог из себя выдать, не то, чтобы садануть беспутного по хребту.

Несколько минут отец стоял, силясь успокоить бешенный стук сердца, а сын терпеливо ждал и растерянно наблюдал за отцом.

– Давай, батя, это... я отведу тебя в избу?

Но тут отец выпрямился, яростно взглянул на сына и весь свой гнев выплеснул на одном дыхании:

– Отведёт он меня! Чай, ещё в силе! А ну, пошли! – приказал он и, твёрдо, несмотря на хромоту, направился к дому. – А ты чего, стервец, не слышишь, что ли?! Я тебе кричу-кричу, а ты и ухом не ведёшь! Оглох, что ль?! Я как полоумный за ним полдеревни прошкандыбал! Я ж не молодой так носиться! Поди уж седьмой десяток пошёл!

– Задумался, батя, – виновато протянул пристыженный сын.

– Задумался он, – с укором в голосе передразнил его отец и направился в дом. – Ты куда нонче ходил?

– Так, по делам...

– «По делам»! – сердито продолжал передразнивать отец. – Всё дела у него! А дома ничего не делаешь! Уже сарай вон, видал, рушится, а ты всё в ус не дуешь! – указал он кривым толстым пальцем в сторону строения. – Ещё прошлой осенью крыша на сеновале прохудилась, залатать надоть. Неровен час, дожди зарядят – пропадёт и сено, и сарай ентот. Хозяин! Всему тебя учить надо! Давай – подсобляй! Я тебя около магазина заприметил, кричу ему, кричу, а он и ухом не ведёт! Думал, вместе утащим гвозди, а он шпарит, не угонисся. К завтраму гвоздей купи, не забудь! Да залатай крышу-то! Слышь?!

– Сделаю, – и, спохватившись, окликнул готового скрыться в дверном проёме обиженного отца: – Бать, Глашка дома?

– Твоя жена, вся расфуфырилась и ушла. Куда это она в выходной-то? К кому это она, а?

– Откуда я знаю, – раздражённо бросил Дмитрий и шагнул во двор.

– Ты это... братьев не дожидайся. Они дали телеграммы: не поедут к нам нонче. Сами справимся, поди уж. Ты, давай это, обедать пошли. Мать заждалась, – задумчиво проговорил старик и озадаченно почесал седой затылок.

Вдруг из дома выскочил встревоженный Стёпка. Сорванец в два скака преодолел высокое крыльцо и очутился около отца.

– Бать, там это... с бабушкой плохо.

Дмитрий кинулся в дом. Следом, забыв про тросточку и больную ногу, рванулся и отец.

На чисто застеленной кровати с мертвенной бледностью на лице, прерывисто и редко дыша, лежала Екатерина Алексеевна.

– Мам, где болит? – судорожно осматривал её с тревогой Дмитрий, заглядывая в потускневшие глаза.

Женщина сначала, словно не узнала сына, посмотрела на него тупо, непонимающе и лишь спустя минуту тихо сказала:

– В груди, сынок.

Сын бережно взял мать на руки и громко приказал растерянному отцу:

– Мотоцикл выгоняй!

– Так как же повезёшь? Растрясёшь ведь!

– Живо! – громко и грозно выкрикнул сын. Отец бегом отправился выгонять ещё новенький и пахнувший краской мотоцикл.

Дмитрий торопливо спустился с ношей на руках по крутому крыльцу, бережно уложил мать в люльку и осторожно стронулся с места. Через пару минут Екатерину Алексеевну уже осматривал врач местной больницы.

Глава 2. Встреча

Неминуемо приближались осенние деньки. По-летнему тёплый воздух был наполнен птичьим гомоном. Солнце светило по-летнему ярко, но уже не так жаростно пекло, как пару недель назад. Небо было чистое и ясное, без единой тучки. С деревьев печально падали редкие пожелтевшие листья. Макушки тополей, стоявших стражами на окраине села, стали медленно желтеть, раскрашивая листву в пёстрый наряд. Изредка порывы ветра гнали пыль по широким улицам села.

В школьном дворе ещё дружно цвели бархатцы. Старая деревянная школа, обновлённая за лето, вновь наполнилась будничной суетой.

– Вот это да! – восхищалась техничка тётя Марфа, осматривавшая многоэтажное сооружение из новеньких пахнущих краской парт, громоздившихся посреди школьного двора. – Надо же, сколько их тут!

– На пять кабинетов хватит! И завтра столько же привезут! – хвастался школьный рабочий дядя Паша и тут же зычно крикнул: – Колька, в химию понесли!

В тёмном длинном коридоре раздался тоненький голосок учительницы русского языка Светланы Фёдоровны, вскоре в кабинет заглянула немолодая женщина с пышной копной кудрявых волос, аккуратно прихваченных шпильками на затылке:

– Серафима Алексеевна! Ваши учебники приехали – сложены стопками в коридоре! Отнесите их в библиотеку, библиотекарь уже пришла. Нужно помочь ей проставить печати!

– Иду, Светлана Фёдоровна! – послышался звонкий голос из кабинета.

До сего момента Серафима мыла окна и отскабливала засохшие капли краски со стекла. Учителям приходилось самостоятельно готовить свои кабинеты к началу учебного года. Кабинет начальных классов был почти готов принимать в свои стены любопытных ребятишек: потолки выбелены, выкрашены окна, парты, полы и стены, всюду развешаны всевозможные памятки школьнику и учебные пособия. Ещё пахнет краской и всё сияет чистотой.

Серафима осторожно слезла со стула, водружённого на большой стол, и поспешила помочь коллегам.

– Что за бардак! – донёсся скрипучий голос учительницы химии Инессы Макаровны. – Почему библиотекарь переложил на учителей свою работу?! Разве мы должны таскаться с учебниками?!

– Инессочка, милая! – успокаивала её Светлана Фёдоровна. – Мы все в равных условиях. Вот у меня три класса с учебниками русского языка и столько же литературы. И что? Ничего не делать? Алла Григорьевна без нас не справится, сами понимаете. Через неделю Первое сентября. Мыслимо ли успеть? А через час выпускницы придут нам помочь.

– Как хорошо! До вечера, значит, точно с учебниками застрянем здесь! – язвительно заметила Инесса Макаровна.

Учителя потихоньку перебирали учебники и уносили их в библиотеку, в которой на всех столах высились стопки новой литературы, не успевшие занять своё место на стеллажах.

В темноте кто-то споткнулся, послышался грохот падающих книг:

– Да сколько ж можно?! Будет здесь свет или нет?! – с досадой возмущалась Инесса Макаровна.

– Шас будет! – гулко отозвался дядя Маркел, сидевший на высокой стремянке под потолком.

В коридоре стояла полутьма: скудный свет керосиновой лампы, висящей под потолком, плохо освещал коридор. Дядя Маркел с раннего утра скрупулёзно чинил ветхую проводку, изредка выразительно и громко ругался, сдабривая каждую фразу отборным матерным словом,

но делал это так, чтобы никто не услышал: «Едрит твою налево! Её пора уж давно менять, а я тут сижу и летаю. А коли загорится, тогда кто будет виноват?!».

– Так невыносимо же! – бурчала, не унимаясь, Инесса Макаровна. – Прямо как во время войны с керосинками работаем, ей-богу!

В полутьме при тусклом свете керосиновой лампы Серафима тщательно выбирала из стопок нужные учебники, погружённая в свои мысли. Внезапно она почувствовала, как холодные пальцы тронули её плечо, она испуганно замерла.

– Фимочка, тебе груши случайно не нужны? Вкусные, ароматные, хоть в компот, хоть в варенье.

Голос принадлежал Марье Кирилловне, которая преподавала биологию, и работала в школе со дня её основания, а это ни много ни мало – почти тридцать лет.

– Да я не знаю... как-то неудобно, – растерянно ответила Серафима, выпрямившись и тщетно вглядываясь в еле различимое лицо пожилой учительницы.

– Ты не стесняйся. Бери. Всяко лучше, чем покупать.

С этими словами Марья Кирилловна удалилась и спустя минуту вернулась с полным ведром груш.

– Они все спелые, не побитые. Но долго не держи – быстро пропадают, – проговорила она, бережно передавая угощение Серафиме.

– Спасибо, Марья Кирилловна, – пролепетала она, немного смутилась.

– Кушай на здоровье!

Пожилая учительница хотела было уйти, но спохватилась и с надеждой посмотрела на Серафиму:

– Ой! У меня сливы спели. Может, тоже возьмёшь? Правда, они с кислинкой, но из них вкусное варенье получается... – и с надеждой посмотрела на Серафиму.

Женщина сконфузилась и не знала, что ответить.

– Значит, я завтра принесу?! – радостно сказала она и удалилась в темноте коридора.

Серафима ещё некоторое время стояла у дверей библиотеки, провожая пожилую учительницу благодарным взглядом.

Включился свет, стало ярко и больно глазам.

– Спасибо, Маркел Евграфович! – тихо поблагодарила Серафима.

Дядя Маркел весело подмигнул и принялся слезать с лестницы.

– Неужели! – с облегчением выдохнула Инесса Макаровна, осмотрела свою стопку книг и, обнаружив, что взяла частично учебники начальных классов, рассерженно утвердила их на парту. – Сколько ж можно?!

* * *

К вечеру центральная улица наполнилась множеством людей, все торопились домой с работы.

– Дима, мне в хозяйственный нужно, зайдём? – ласково проговорила Глашка и потянула мужа за рукав, но тот хмуро бросил:

– Я на улице подожду, покурю.

– Как знаешь... – с напускным безразличием согласилась она и скрылась в дверях.

Громко и сердито хлопала дверь магазина. Люди беспрестанно входили и выходили. Повсюду слышалось шарканье ног, толкотня у дверей и разговоры о насущном.

– Колбасу уже раскупили! Надо же! И чего в очереди полчаса проторчала! – возмущённо говорила одна женщина другой.

– А я сельдь успела купить! – хвасталась вторая.

– А чего уж? Скажу мужику, пусть домашнюю колбасу варит. В самый раз будет! Да и полезнее! Кто знает, что в неё кладут! Я такой рецепт раздобыла! Закачаешься! Слушай

Женщины удалились, увлечённо обсуждая свои кухонные дела. Дмитрий заметно кучал, ожидая жену. Знакомый голос вытянул его из тягучих и сонных раздумий.

– О-о, дружище, только что тебя поминал! – радостно приветствовал откуда-то возникший Гордей. Он вытащил из кармана бутылку водки и протянул другу с выражением глубокой признательности на лице: – С меня причитается.

Дмитрий пристально посмотрел на друга, но угощенья не принял.

– Ты чего? От чистого сердца ведь! За помощь твою!

Дмитрий отнял папиросу от губ и, игриво прищурившись, проговорил:

– Вот ответным делом и отплатишь.

Гордей всё понял, искусно спрятал бутылку в полах своей куртёшки, протянул широкую ладонь и, распрощавшись, пошагал домой.

– Ну и растяпа! – звонко загоготал мальчишеский голос, но наглеца было сложно вычислить среди копошащей молодёжи.

Дмитрий не стал даже утруждаться, но почти сразу понял, в чей адрес была кинута обидная фраза. Недалеко от проезжей части молодая женщина собирала рассыпавшиеся груши. Они катились под ноги прохожим. Редкое явление – груши на дороге. Кто-то их давил ногами, кто-то бережно перешагивал, кто-то поднимал с земли и воровато совал в карман. В магазинах всё чаще можно было увидеть яблоки, редко завозили груши, а сливы, персики и мандарины разве по большим праздникам. Быстро избавившись от папиросы, Дмитрий неторопливо подошёл и принялся собирать в охапку небольшие грушки размером с ранетку. Приятный аромат ударил в нос. Даже во рту он почувствовал вкус поздних немного вяжущих фруктов.

– Не вы потеряли? – зычно обратился он к незнакомке.

Женщина, решив ответить, выпрямилась и обернулась.

Дмитрий остолбенел – перед ним стояла Серафима. Но какая-то другая, непохожая на ту Серафиму, которую он когда-то знал. Какая-то в ней была строгость, а на лице не было даже тени эмоции, только печаль в больших голубых глазах.

Ни единого слова не пришло на ум, он бестолково стоял с охапкой груш и хлопал глазами. Серафима робко поправила выбившуюся из причёски прядь и замерла в немом ожидании.

– Ты поддержи ведёрко, а я их пересыплю, – неожиданно для себя тихо проговорил он.

– Да, спасибо, – запоздало поблагодарила она.

Он наклонился низко над ведром и оказался к ней так близко, что медово-сладкий запах груш вмиг сменился знакомым ароматом незрелой пшеницы, исходящим от её волос.

– Вы угощайтесь, – робко протянула она фрукты.

В его широкую ладонь упало несколько румяных груш, которые тут же очутились в больших карманах его рабочей куртки. Он не удержался от соблазна: угощенье настырно просилось в желудок.

– И впрямь вкусные! – жуя нежную сладковато-кислую мякоть, довольно проговорил он и как бы невзначай бросил: – Сама-то как?

– Хорошо, спасибо. В школу устроилась, деток буду учить.

– Да-а, учителей у нас не хватает. Молодёжь всё в город рвётся, – Дмитрий вынул вторую грушу, обтёр её о рукав куртки и с удовольствием её прикончил.

– Это верно, – кивнула Серафима и, немного подумав, спросила: – Как Марья и Ольга? Где они?

Дмитрий повеселел и неподдельно удивился:

– Ты серьёзно? Ты ещё не встречала Ольгу? Так она же на почте работает! А Марья вышла замуж и уехала. К нам редко приезжает. В Краснодаре живёт.

– Братья тоже уехали?

- Ну да. Они теперь городские жители. В Барнауле остались.
- Как всё изменилось... – грустно протянула Серафима.
- Ну да... – задумчиво вздохнул мужчина.
- А ты всё так же в колхозе работаешь? – веселее заговорила она, и в её глазах блеснули

озорные огоньки.

Дмитрий выдержал небольшую паузу и с напускной важностью игриво проговорил:

- Ну, я не так высоко поднялся, как ты. Однако тоже не последний человек в деревне.
- Значит, всё-таки остался при колхозе? – допытывалась она, утоляя своё любопытство.
- А как иначе? Я, говорят, водитель высококлассный. Не могут они никак без меня.

Серафима невольно улыбнулась, обнажив белоснежные ровные зубы.

– Дима, я тебя всюду ищу! – донёсся раздражённый голос Глашки.

Уголки её губ немного опустились, а кошачья зелень глаз потемнела. Дмитрий понял, что она не в самом добром расположении духа. В такие моменты она легко могла начать скандалить, несколько не заботясь о том, что находится на улице среди толпы знакомых. Былая беззаботность и весёлость слетели с лица мужчины, в глазах появилось колючее выжидание.

– Ты всё, что ль? – недовольно спросил Дмитрий.

Но Глашка не услышала вопроса, она принялась без стеснения пялиться на собеседницу мужа.

– А! Серафимка, ты, что ль? – деланно удивилась Глашка и бесцеремонно оглядела её с ног до головы, будто какой товар на прилавке. – Как в наших краях оказалась?

Серафима спокойно посмотрела на соседку и, помолчав, доброжелательно попрощалась:

– Мне пора. Бабушка ждёт. Передам ей гостинец. До свиданья.

Тоненькая фигурка Серафимы медленно удалялась, слегка покачиваясь в такт шагам. Дмитрий проводил её коротким взглядом и закурил.

– Теперь домой? – сухо поинтересовался он.

Глашка кивнула и нервно передала мужу сумки. Так молча до дома и дошли бы, если бы Глашка не завела свою старую излюбленную песню.

– Что это ты с ней языками зацепился, а? – зашипела она и гневно зыркнула на мужа. – Я тут с полными сумками таскаюсь, а ему хоть бы хны. Стоит, лясы точит! Я на работе недостаточно надрываюсь?! Можно хоть щас мне помочь?! – и пошагала вперёд, мысленно водружая победное знамя в этом словесном бою.

Пока шла, перебирая свою последующую стратегию, непоколебимо решила, что какое-то время вообще не стоит с ним говорить, нужно показать свою обиду любыми способами. Он должен почувствовать свою вину, должен мучиться, осознавая ничтожность своего глупого поступка, да и лишний раз появится время подумать о том, что милое общение с женским полом разрушает их семейную идиллию.

Вернулись домой молчаливые и озлобленные. Дом, погружённый в тишину и темноту, казался безлюдным.

– Бать, – окликнул Дмитрий, переступив порог и привычно щёлкнув выключателем.

Дверь родительской спальни открылась, вышел Матвей Егорович, чисто одетый и вымытый. Седая, всегда взъерошенная борода его, была чинно расчёсана и уложена гребешком. Он надел старый, но ещё не потерявший аккуратного вида пиджак и широкие штаны, начистил до блеска сапоги.

– Ты куда это собрался? – оглядывая отца, озадаченно протянул Дмитрий.

– От матери пришёл я, – грустно ответил Матвей Егорович.

– Как она? – с необъяснимым волнением в голосе спросил сын.

– Да как... – удручённо проговорил старик, сел на лавку и тяжело облокотился на стол. – Ходит ужо, но врач сказал – в город её на операцию повезут. Инфаркт был у ней. Сердце, говорит, слабое. Работает не так как-то. Может, не выдержать. Так что не скоро домой её отпустят.

Дмитрий посерел, даже ужинать не стал, сокрушённо удалился в мастерскую, говорить с отцом более не мог: в этот миг слёзы встали в его горле колючим и плотным комом. Его обуял страх за родное и важное существо на всём белом свете, за ту, которая в тяжёлых мученьях произвела его на свет, которая не спала ночами и с тревогой наблюдала за недоношенным и слабым мальчишкой, которая всю себя посвятила детям и без остатка, без тени упрёка все эти долгие годы служила их прихотям, проглатывала обиды, мирила поссорившихся, делая это мудро и ненавязчиво. Он всегда знал, о чём думает отец, боялся его осуждений и злился на его затянувшиеся нравоучения, но никогда не догадывался, о чём думает мать: осуждает ли его за проступок, обижена ли его невниманием, надеется ли на что-то. Он видел в её глазах безмерную материнскую любовь. Единственный раз она проявила всю свою женскую мудрость и выдержку, когда попыталась призвать отца не отталкивать Серафиму, принять её в семью и сыграть детям свадьбу. Но то был единственный раз, когда она, словно древняя воительница-амазонка, вышла на тропу семейной войны и ... проиграла.

Глава 3. Новая учительница

Прозвенел первый звонок. Девочки в белых фартучках и с пышными бантами запестрели на улицах. Ребяшня важно шагала на занятия с синими и коричневыми дерматиновыми портфелями.

Степан пошёл в третий класс. Он был смышлёным, но непоседливым мальчуганом, поэтому за ним нужен был глаз да глаз. Но разве Глашке было до этого?.. Она старалась вытянуть извинение от мужа и погрузилась в тихую борьбу с соперницей. Для этого она предприняла всевозможные попытки: целую неделю не разговаривала с мужем, ночевала в в пустующей комнате сестёр Дмитрия, демонстративно не садилась за один стол со всей семьёй, но так и не добилась своего. Дмитрий не придавал этим действиям жены никакого значения. Единственный раз ответил озадаченному отцу: «Пёс её знает, что у бабы в голове. Взбрело что-то, вот и дуется».

Последующая новость буквально выбила у неё почву из-под ног. Узнав первого сентября, что Серафима будет учить Степана, Глашка окончательно потеряла сон. Былая, давно остывшая и забытая ревность новой раскалённой лавой хлынула в её душу.

После двух недель учёбы в Стёпкином дневнике появилась аккуратная запись красными чернилами: «Собрание в четверг в 18:00».

Глашка запаниковала: самой ли пойти или вместе с мужем? Раньше на родительские собрания часто ходил Дмитрий, но теперь она этого остерегалась. Кто знает, вдруг повстречавшись с Серафимой, и вправду окажется, что «старая любовь не ржавеет», и начнёт тогда он к ней тайком хаживать? От этих мыслей бабёнку прошиб холодный пот. Она ничего кругом не замечала, не интересовалась успехами сына в учёбе и не заглядывала в его дневник, даже со свёкром за эти дни и словом не перемолвилась. Тем временем Стёпка тщательно скрывал от родителей, что дела его в ученье стали плохи, а новая учительница в очередной раз «влепила ему двойку» и написала в дневнике замечание.

Заметив учительские записи, Дмитрий удивился: сын хорошо учился в первом классе, с шести лет пошёл в школу, и был очень умным парнишкой. Что произошло с мальцом? За невыученный урок или шалость он никогда не бил сына, всегда хватало серьёзного «мужского» разговора. И Степан сразу исправлялся и налегал на учёбу: терпеливо решал задачи, учил правила.

– Что ж ты, Степан, перестал учиться? – как можно жёстче спросил он сына.

Мальчишка опустил в пол глаза и ничего и отвечал, только сопел конопатым носом, судорожно раздувая ноздри и крепко-крепко сжимая кулаки, чтобы не расплакаться.

– Да не бойся, никогда не лупил и теперь не стану, – обнимая сына, спокойно уверил Дмитрий. – Ты толком скажи, в чём дело?

Мальчишка сделал видимое усилие над собой, виновато поднял глаза и плаксиво выдал:

– Нам задали прочитать, а я не успел и плохо урок ответил.

– Почему не успел?

– Мамке в огороде помогал, а потом у коров чистил весь вечер.

– Когда это было? – опешил Дмитрий.

– Так почти всегда! То перцы помогал выдирать и стаскивал их в яр, то помидоры собирал, то у коровы чистил, то навозную грядку складывал, то ещё что-нибудь скажет делать. Тебя допоздна нет, а дед сено тогда возил. А покуда не сделаю, за уроки сесть не могу – кричит на меня, за уши дерёт, во двор гонит!

Дмитрий от речей сына посерел: Степан для Глашки стал, что Золушка из сказки. Парню ещё годков-то маловато, чтобы, как заправский мужик, тянуть крестьянскую лямку. Глашу бы к ответу призвать, так она убежала на собрание в школу. Взял пачку папирос, вышел во двор, сел на завалинку и закурил. На душе было мерзко...

...Вскоре с собрания вернулась Глашка. Она была необычайно возбуждённая. Под её руками гремела посуда, звенели чашки, на пол падали столовые приборы, словом, всё валилось из рук. За ужином она что-то говорила, однако Дмитрий, не заметил беспокойный вид жены, не торопясь, о чём-то думал и хлебал суп, уставившись в тарелку.

– Ты что же, не слышишь меня? – чуть не вскричала жена.

Мужчина перестал жевать, перевёл взгляд на женщину и как бы невзначай спросил:

– И что же, на собрании было? Что про Стёпку сказали?

Глашка отвечать не торопилась – стало не по себе, но ответ она загодя успела припасти на такой случай..

– Степан, иди уроки делать! – спокойно и властно обратился он к сыну, тот сорвался с места пулей, чуть не опрокинув табурет. Глашка невольно вся сжалась, а Дмитрий перевёл тяжёлый взгляд на жену и с напором спросил:

– А не сказали ли часом, что ребёнок плохо учится оттого, что не делает уроки? Скажи-ка мне, Глаша, зачем ты мальчонку заставляешь навоз тягать?

Матвей Егорыч даже жевать перестал, окунул ложку в тарелку, озадаченно взглянул на сноху. Бабёнка вспыхнула, побагровела, медленно встала и, подбоченясь, зло выпалила:

– Нет, Дмитрий Матвейч, лучше бы ты мне сказал, где пропадаешь по вечерам? Где бываешь? У какой зазнобы?

Знала Глаша, что если ссору затеять при родителях, то Дмитрий сразу же отступится с неудобными вопросами. Да и лучшая защита – это нападение (это каждая баба знает). Но Дмитрий был спокоен и на крик жены отреагировал степенно:

– Не думал я, Глаша, что ты мальчика будешь непосильной работой нагружать. Он ведь надорвётся! Надо же, придумала: заставить парнишку навоз у коров чистить!

Назревал новый скандал. Матвей Егорыч сидел на лавке и даже не шелохнулся, только недовольно кряхтел, но всё же не вмешивался.

– То есть я должна одна тягать навоз?! – причитала она так, что из дверей с любопытством выглянул Стёпка. – Предлагаешь прибежать с работы и к коровам?! Не много ль хочешь?! Отец, вон, сено всё свозил, тебя дожидаясь, мать твоя в больнице, а я одна у скотины должна пропадать?! И приготовь вам, и постирай, и ребёнка воспитай! А ты где будешь тогда, мил человек?!

Женщина окинула гневным взором мужа и свёкра и убежала во двор.

– К матери пошла жаловаться, – вздохнул отец.

Дмитрий сидел смурной от негодования, в руке его захрустела ложка, согнутая пополам.

– Какая муха её укусила? – пробурчал отец, разглаживая седые усы и бороду. – Прямо как подменили бабёнку...

Дмитрий, откинув в сторону сломанный столовый прибор, полез в карман за папиросами. Комната наполнилась едким дымом. После недолгой паузы тихо проговорил:

– Крайнего нашла.

Старик тяжело вздохнул: это был его недогляд в хозяйстве, не досмотрел за внучком. Он торопливо встал, положил руку на плечо сына и попытался успокоить:

– Ты на неё не сердчай. С глупой бабы что возьмёшь? Сейчас накричала, потом виниться будет... Ты это... Давай-ка на крыльцо пойдём и побалакаем. Вона сколько дыму напустил!

Оставляя за собой шлейф едкого дыма, Дмитрий проследовал за отцом. Тот уже уселся на ступеньках высокого крыльца, выставив вперёд большую ногу и отложив в сторону трость.

Отсюда открывался красивый вид на село и речку, теряющуюся в буйных зарослях лиственного леса.

– Не знаю я, какая меж вами кошка пробежала, – заговорил предупредительным тоном отец. – Вижу только, что жизнь ваша всё никак не ладится. Видать, что-то знает за тобой... Гляди, Митрий, потеряешь семью, потом не возвернёшь обратно!

Дмитрий покосился на отца. В глазах читались усталость и раздражение. Он молча курил, поглядывая на огонёк папиросы, долго и пристально смотрел на улицу, окутанную сумерками, на далёкие огоньки домов, на дом Серафимы, примостившегося у края крутояра.

Так и не услышав от сына никаких речей, отец махнул рукой, медленно встал и поковылял в хлев обиходить скотину.

* * *

Серафима была не та, что прежде, теперь её звали Серафимой Алексеевной. Былые прозвища уже не липли к ней. Обидным прозвищем «блаженная» никто уже не решался хлестнуть вдогонку.

Поутру глядишь – плывёт она по улице в модной обнове. Когда успела приобрести? Поговаривали бабёнки, что сама себе шьёт наряды, и всё по журналам мод. Стали бабы к ней бегать за выкройками, а в благодарность приносили молоко, овощи, мясо.

Глашка, слышавшая совсем недавно первой красавицей в деревне, стала поглядывать в сторону её дома, но гордыня не позволяла и шагу туда ступить и рот развязать в просьбе.

– Да и откуда у неё столько денег на ткани дороговизные? Чем это она в городе промышляла? – возмущалась Глашка, стоя за прилавком вся накрахмаленная и расфуфыренная, как на праздник.

– Не завидуй, Глафира! – грубо обтесала её Матрёна, сбитая высокая женщина.

– Так я тебя и не спрашиваю! Взяла товар и иди прочь – работать мешаешь!

– Эх, Глаша, Глаша, – с доброй улыбкой вздыхала Матрёна, – злая ты баба, зависти в тебе полно!

Та в ответ сверкнула своими колдовскими глазищами, крутнулась и ушла в подсобку, долго там чем-то громыкала и ругалась на кого-то.

Глашке страсть как хотелось вырядиться в шерстяное платье, повязать шёлковый платок на шею, завернуть косу в тугую шишку на макушке, подвести карандашом яркие зелёные глаза, подкрасить пухлые губы.

Немало её заботило сосредоточенное молчание Дмитрия после ссоры, он возвращался с работы поздно, и ни слова, ни полслова ей не говорил. Молчком ел и уходил в мастерскую. Хоть бы за неделю парой фраз перемолвились, и то хорошо. О чём думает мужик? Какие мысли ему покоя не дают? Одно ясно: как вернулась Серафима, так вся жизнь её пошла наперекосяк. И объял её такой страх, аж до дрожи в коленках, что муж на сторону пойдёт, вспомнив старую любовь.

Бабы, знай, посмеивались: «Глашка, была ты лебёдушкой, а стала серой уточкой. Наша дурочка тебя краше!» Ух, поколотила бы их, да не с руки – кривотолки по деревне поползут, а там и до Дмитрия дойдут.

Матрёна тоже хороша, масло в огонь вновь подлила: «У нас мужиков на деревне мало, а баб в соку – хоть ложкой черпай. Я бы не прочь приголубить непьющего мужичка. Уж я-то показала бы ему, как одинокие бабы любить умеют!» А товарки знай заливаются над шуточками едкой бабёнки.

Глава 4. Матрёнино горе

Каждый знал скорбную историю Матрёны. У родителей она была одна. Крепко сложенная и сильная деваха не боялась никакой тяжёлой работы. Отцу коня сама запрягала, сама дрова колола, могла сарай подладить или крышу перекрыть на овине. Мужики побаивались её, меж собой «богатыршей» называли, ни один не осмелился посвататься, хоть и была она редкой южной красоты: волос чёрный кудрями вился, жгучие карие глаза, лицо смуглое. Кто-то звал её дочкой цыгана, но Матрёне не было дела до сплетен и похабных насмешек. Нрава она была пылкого и упрямого, всегда всё по-своему норовилась сделать, даже отца-мать не слушала.

Но как-то в колхоз пожаловала бригада рабочих строить новый коровник. Среди матёрых мужиков был парнишка лет двадцати, по всему видно, недавно со службы вернулся. Звали его меж собой Митей или Митрофаном. Жутко он стеснялся своего старинного имени, всё отшучивался: «Отец подвыпил и записал по своему деду». Но имя было парнишке под стать: высокий, статный, зелёные глаза с прищуром, нос с горбинкой (видно, в драке побывал не раз), выправка солдатская, шаг твёрдый, уверенный, ручища, как два ухвата, обнимет – век не отобьёшься.

Матрёна сразу заприметила соколика, ровней себе посчитала. Однажды осмелилась и лебёдушкой к нему подплыла, крынку прохладного молока протянула: «На жару весь день маешься, хоть бы до речки сходили остудиться-то». Парень выпил всё залпом, утёр губы рукавом и протянул пустую тару со словами: «А со мной не забоишься пойти на речку?»

«А не забоюсь!» – с вызовом зыркнула девушка и крутнула тяжёлой косищей, чуть достав по лицу насмешливому наглецу. Не видела она, как довольно скалился ей вслед приезжий мболодец, но млевшую тайну унесла в сердце.

Митя раз от разу стал звать Матрёну на речку, приглашал в местный клуб, гуляли под гармонь по улицам. Старики стали поговаривать, что девка начала невеститься, и скоро сватов к Матрёне на двор зашлют.

Лето близилось к концу, бригада рабочих дорабатывала последние деньки – коровник был уже отстроен, и по этому поводу в клубе устроили праздник. С окрестных деревень приехали артисты на смотр художественной самодеятельности. Народу было тьма, не протолкнуться! Веселье и пиво лились рекой, окончание стройки нужно было по всем правилам обмыть, чтобы здание век стояло крепко, не шатко.

На том празднестве к Матрёне стали приставать захмелевшие приезжие парни (местные к ней бы не сунулись). Приезжие сначала по одному подходили, потом целой гурьбой на танцы звали. Девушка отмахивалась, крепко держалась за рукав Мити, но разве пьяному что-то докажешь или объяснишь? Хмель крепко овладел их разумом.

«Ничё, парень не стенка, отодвинется!» – неловко ворочая языком промычал один наглец. Для остальных эта фраза послужила одобрением на непозволительное. Кто-то сшиб Митю с ног, кто-то схватил Матрёну за руку и увлёк на улицу. В душном и спёртом воздухе слышались глухие удары. Потом кто-то крикнул: «Наших бьют!». Началась драка не на жизнь, а на смерть. Ребячью свалку прибежал разнимать председатель колхоза Пётр Никифорович. Ему тоже по горячему делу досталось. Из клуба он вышел, придерживая рукой заплывший глаз. Убоялся, что парни поубивают друг друга, послал местных мальчишек за участковым. Пострелята пустились со всех ног. Но кто знал, что произойдёт неминуемое?..

В драке кто-то разбил керосиновую лампу, висевшую долгое время у входа. Пламя полыхнуло по занавесу, перекинулось на стены. Вскоре огонь жадно объёдал здание, повалил едкий дым. Народ высыпал на улицу. Кто-то выползал сам, кого-то тянули из огня товарищи, а Митя

остался лежать посреди зала в беспмятстве. О нём в суеде и в людской сутолоке сразу же забыли.

Пьяные парни упрямо вели Матрёну подальше от клуба. Она отбивалась от горе-ухажёров, как могла, но, когда минули первые дома, девушка заметила метнувшееся пламя в окнах клуба. Послышались крики людей. До её слуха донеслось: «Пожар! Пожар!»

Как вывернулась – не помнила, со всех ног бросилась к полыхающему клубу. Люди переминались, трусливо жалась подальше от огня и не смели подойти ближе, чем на десять шагов. С ближних домов бежали люди заливать пламя.

Матрёна, надрываясь, кричала, звала любимого. Из толпы послышался вопль: «Он, кажись, в клубе остался». Она, не задумываясь, ринулась внутрь.

Спустя минуты она волоком вытаскивала Митю наружу. Волосы её обгорели, лицо в копоти, закашлялась, рухнула на колени, судорожно хватая ртом воздух. Мужики подхватили парня под мышки, оттащили подальше. Какой-то мужичок притащил ведро колодезной воды, велел: «Взбрызни!» Девушка ладонями черпала воду и лила её на закопчённое и окровавленное лицо Мити, била по щекам и трепала его. Тело было недвижимым и бездыханным. От бессилья потекли слёзы, она их размазывала рукавом грязной кофты и продолжала трясти любимого. «Сердце... Сердце послушай!» – подсказали из толпы. Матрёна приложила ухо к груди и замерла, прислушиваясь. Под рубашкой было тихо и спокойно. Звенящая тишина... Не своими глазами посмотрела кругом, судорожно припала к телу и обняла, захлёбываясь в рыданиях.

«Боженьки ты мой! Убили парня!» – вскрикнула какая-то женщина и схватилась за голову. Женщины плакали, испуганно тарасились на труп парня. Матрёна выла как подстреленная волчица. Мужики отступили, освобождая место для бригады скорой помощи. Девушку оттаскивали от тела, но она уже ничего не понимала, вновь припадала к любимому, неистово отталкивала от себя людей и редела белугой, бешено озираясь кругом.

С месяц девка ходила как неприкаянная, всё Митю искала. Люди объясняли ей, что в драке его убили, что родители тело его в родное село забрали, там и похоронили. Матрёна не желала слушать: «Всё вы врётё! Это не правда! Этого не может быть!»

В октябре явилась она к председателю колхоза и после недолгого разговора собрала свои пожитки и уехала из села. Где она пропадала, что делала – никто не знал, даже родители, а вернулась тише тихого. Люди допытывались правды, но она ни с кем и словом не обмолвилась, лишь бабке Агафье всю правду выложила да просила никому про то не говорить: не поймут её люди, на смех поднимут.

В один вечер Матрёна пришла к Агафье.

– Ах, Матрёнушка, проходи, уважь бабушку! – откладывая вязание носка в корзинку, протянула старушка. – Ну что, значит, приехала? Четыре седмицы ведь где-то пропадала... Сейчас чайком тебя напою.

Матрёна стянула калоши, села за стол, выбрав угол под образами, и устало проговорила:

– Ну вот и приехала, бабушка. К тебе я за помощью пришла. (Агафья замерла у буфета, приготовившись слушать.) Ты мужа потеряла и знаешь, как пережить это горе. Научи меня, как жить.

Старушка задумалась, словно припоминая былую затянувшуюся с годами боль и похоронку с парой слов, потом смерть старшего сына в автоаварии, потом и младшего бог прибрал...

– Научить жизни я вряд ли смогу. Однако старые люди верно говорят, что время лечит. Боль не уйдёт совсем, но притупится, станет легче просыпаться и засыпать, в конце концов, ты научишься с нею жить.

Матрёна отчаянно замотала головой, а на глазах проступили слёзы:

– Не получается...

– Э-э, милая, ещё мало времени прошло. Месяц – это не срок. Вот год или два, тогда только...

Девушка сглотнула подступивший комок слёз, и, собираясь с мыслями, с невыносимой горечью проговорила:

– Я ведь не попрощалась даже с ним...

Бабушка положила свою горячую ладонь на плечо Матрёны и вкрадчиво сказала:

– К утрате невозможно подготовиться. А попрощаться редко кому удаётся. Богу видней, когда душу человеческую забрать. Жаль, что молод был... Не побжил толком...

– К нему в родное село ездила, – всхлипнула женщина, а старушка вздёрнула брови от удивления, – на кладбище пришла, его могилку нашла. Покаялась, прощения попросила, но легче не стало. Кто-то сказал, что вера помогает пережить утрату. Тогда я поехала в город. Там в церкви поставила свечку за упокой, заказала панихиду, потом долго с батюшкой говорила.

– И что же он сказал?

– Сказал, что душа живая, что всё чувствует и даже нашу скорбь и что она вечная. От горести людской мается, что не нужно по нему убиваться, а лучше хорошее о нём вспоминать, молиться за него. Уныние – это грех.

– Правильно сказал батюшка, – одобрительно кивнула Агафья. – Всё пройдёт, пройдёт и это, – приобняла девушку и добавила: – Не печалься, настанут светлые деньки...

Матрёна в то не верила: если сердце человеческое полюбило по-настоящему, то уж вряд ли получится разлюбить и забыть о том. Долго носила траур по Митрофану, а вскоре поняла слова Агафьи, и жизнь заиграла иными красками. Случилось это, когда во чреве шевельнулось дитя. Тогда-то у неё на душе стало, действительно, светлее.

Позже округлился животик, притягивая любопытные взгляды. Все, кому не лень, стали обсуждать Матрёну, разнося о ней худые сплетни по деревне. Мать с отцом крепко осуждали её за легкомыслие, вразумляли, пытали о том, кто отец ребёнка, но Матрёна держала глухую оборону. На все упрёки она отмалчивалась и втайне радовалась. И не пожалела она о том, что позволила любимому увлечь себя в берёзовую рощу у реки и зацеловать до беспамятства.

Глава 5. На картошке

Сентябрь выдался сухим и жарким. Единственный дождь, обещавший промочить хорошенько землю, прибил лишь пыль, а лужи и грязь высохли уже на второй день. Колхозные тракторные бригады вывозили на склады гружёные картофелем телеги, но рабочих рук в такую пору всегда не хватало, и председатель колхоза позвал школьников на помощь.

– Только сами понимаете, Сергей Иванович, детей нужно будет поощрить, – предупредительным тоном обратился директор школы Павел Петрович Бессонов к поджарому мужичку, нисколько не похожего на председателя колхоза.

Бессонов комкал кепку, прикидывал что-то в уме и, наконец, ответил:

– Ну, раз надо, так надо. Детей не обидим. Всё, что причитается, выплатим вовремя! Тем более своим подшефным!

Павел Петрович соскочил со стула и радостно затряс в крепком рукопожатии руку председателя:

– Вот и хорошо! Это будет как раз вовремя! Ведь осенью дети хотели поехать на экскурсию в город.

Предстоящую поездку в город на каникулах десятый «А» ждал с нетерпением. В классе не было недовольных ребят, противившихся ударному труду на колхозных полях. К тому же не всем хотелось просиживать за партами субботний учебный день. На поле работа спорилась весело и громко. В сухом осеннем воздухе носились смех, гам, песни и шутки.

Девушки собирали картофель в вёдра и стаскивали их на погрузку. Парни весело и ловко ссыпали его в тракторную телегу. Водители тракторов и грузовых машин покуривали в сторонке и весело поглядывали на хватких и задорных парней.

– Эй, Артёмка! Поосторожней, а то зашибёшь Максимку! – зубоскалили сёстры Некрасовы, как две капли воды похожие друг на друга.

Близняшек различали разве что родные мать да отец, даже для проницательной Серафимы Алексеевны девушки были слабо отличимы друг от друга.

– Смотрите, чтобы вас, одинаковые, ненароком не зашиб! – прогудел басом Артемий.

Девчата весело брызнули и убежали.

– Смотри, какой парень вырос у Матрёнки, – заметил дед Василий, прикуривая из рук Дмитрия, – статью в отца, а нравом-то в мать!

Дед Василий помнил парнишку ещё мелким. Помнится, в одно лето кто-то повадился из его огорода яблоки таскать, и вот пакость – яблочки только-только набирались зрелости. И вот незадача, за несколько ночей кто-то искусно обобрал молодую яблоньку, оставив нетронутой макушку: видно, туда не дотянулся ночной вор. А какие яблочки были крупные, с ладонь, ароматные и сладкие!

Обидно стало деду: он этот саженец привёз из садоводства за сто километров, пёр на себе по автобусам, с пересадками, кое-как в целости довёз в непроходимой толчее! Пять лет выхаживал яблоньку, растил, обихаживал. И надо же, за столько лет кропотливого труда урожая не дождался!

Вот тогда-то дед обозлился не на шутку. Снял своё старое ружьё со стены под охи и причитания своей Дуняши, подготовил его к бою за справедливость.

«Я не я буду, если ворышку не поймаю!» – воинственно пообещал он жене. В свои преклонные лета дед Василий нет-нет да потихоньку на охоту хаживал. Он-то знал, что глаз с прицела уж точно не сойдёт!»

На третью ночь, сидя в засаде под кустами старой сирени, заметил он чужака на своей земле. Кинулся за парнишкой следом, и пока тот лез через забор, не целясь, выстрелил. Мальчонка взвыл от боли, свалился с забора, корчась в болезненном оцепенении. А дед схватил мальчика за оттопыренное ухо и потащил к Матрёне.

– Глядь, кого я тебе привёл! – с укоризной мотнул он на пол подранка.

Матрёна хоть и баба боевая, но, завидев обожжённую спину сына с кровавыми подтёками, сразу же потеряла самообладание, забежала по избе в поисках чистой простыни и таза.

– Ты не пужайся. Соль мелкая была, – отмахнулся он. – Но жечь будет знатно.

Матрёна, громко и грозно ругаясь, повела сына в баню отмывать от разъедающей пыли.

– Поди уж, задница помнит мою «Экстра»-соль, – усмехнулся в седые усы дед.

Дмитрий улыбнулся и на ухо вполголоса ему ответил:

– А твоя спина – Матрёнину кочергу!

Дед нахохлился от неприятных воспоминаний, но виду не подал.

На следующий день Матрёна пекла блины. Дед Василий пришёл проведать неудачливого воршишку, купив три горсти шоколадных конфет. На удивление Матрёна не осерчала на деда, а, переняв кулёк с конфетами, пригласила жестом:

– А чего, дед Василий, к столу садись, чаёк будем пить.

Охотничье чутьё на этот раз его подвело. Он чинно помыл в рукомоёмнике руки, тщательно обтёр их о цветное махровое полотенце, по-хозяйски уселся на табурет, в ожидании горячего угощенья. Матрёна налила полный стакан кипятка, нацедила в него заварки.

– Вот угощайся, вареньице тут... яблочное, блины вот бери, – пододвинула она к нему тарелку с горой ароматной стряпни, – а вот и чаёк.

Дед не успел соскочить с табурета, как со всего маху Матрёна опрокинула кипяток прямо ему на штаны. Взревел белугой старый охотник, силится стряхнуть с себя вылитое, оттягивал штаны, прилипшие к телу. Ляжки горели, аж зубы скрипели от боли.

– Чего-й то с тобой? Али недостаточно горяч? – язвительно усмехнулась женщина.

Дед орал, а Матрёна уже с кочергой его поджидала у двери:

– А ну, пошёл отсюда, душегуб! Сына моего покалечил и чай пришёл пить! Ну, каково тебе, собака, обожжённым быть?! Что, шкура, не горит? Мож, добавить?!

Дед нёсся вприпрыжку от Матрёниного дома до своего.

Потом ему не раз припоминали тот чаёк и кочергу, летевищу вдогонку. Пол-улицы лице-зрело неутомимый бег деда Василия.

– Ты что приехал-то? – допытывался Дмитрий, посматривая в сторону работающих ребят.

Дед Василий старательно сделал вид, что не услышал вопроса.

– Ну? – напористо проговорил мужчина. – Не темни!

Дед тянул с ответом, в глазах его горела хитринка. Он вынул мешочек с табаком, отсыпал с щепотку на бумажку, свернул в трубочку, послонявил край, хорошенько примял, закурил и важно заговорил:

– Я вот, думаю, картошку дома поменять. Говорят, колхозная картошка не боится ни засухи, ни червя. Мож, отсыплешь мне маленько, хотя бы полмешка?

Дмитрий усмехнулся и нехотя протянул:

– Ну, не знаю, не знаю... Кабы председатель не узнал...

Дед воодушевился и заверил:

– На этот счёт не переживай. Я точно ему не скажу. Мы с тобой тот мешочек под солому припрячем, никто и не увидит.

– Ну что ж, давай, – и с этими словами Дмитрий подхватил с земли мешок, припасённый исключительно для себя, и отправил его в телегу деда Василия.

Тот суетливо закидал его соломой, суетливо сел в телегу и, попрощавшись, отправился домой, оставляя за собой пыльный след.

Близился к вечеру тяжёлый трудовой день. Ребята сгрудились вокруг костра, пели песни, пекли в углях картошку, поджидая свой автотранспорт. Газик подъехал лениво и сонно, ребята закинули все вещи в кузов, утолклись, уселись на низкие деревянные лавки. В темноте кто-то подал Серафиме руку, помогая взобраться в кабину, но она отмахнулась:

– Я как все, – и вскарабкалась к ребятам.

Дорогой не подремлешь: машина подпрыгивает на ухабах, грузно переваливается с боку на бок, но все так умаялись, что впору стоя спать, и пушкой не разбудишь. До села доехали в полусонной дрёме. У колхоза газик выгрузил уставших «стахановцев». Ребята ловко покинули кузов. Серафима осталась одна. Она медлила: поняла, что слезть для неё будет гораздо труднее, чем залезть. Неожиданно кто-то протянул руку, она ухватилась за сильную жилистую ладонь, легко и осторожно спрыгнула. Почувствовалось знакомое дыхание, подняла глаза – и опешила: перед ней стоял Дмитрий.

– Не за что... – предугадал он её слова и, не попрощавшись, полез в машину.

* * *

В воскресный день, обычно, люди занимаются домашними делами. На днях Серафима заприметила в магазине симпатичную хлопковую ткань, как раз годную для занавесок. Её старенькие занавески, перекрывающие половину окна, уже обветшали, полиняли и были годны на ветошь. Стыдно так жить учительнице, ведь на учителей люди смотрят, с них пример берут, их мнение авторитетно в селе. Тюль привозили редко, пришлось придумать, как принарядить свой дом и сделать его уютнее. На кухне вполне подошла бы плотная бязевая ткань в синий мелкий цветочек. Длинное полотно можно украсить оборкой или кружевом.

В этих мыслях Серафима шагала по центральной улице в магазин «Промтовары». Навстречу ей попала Матрёна. Она стояла с полными авоськами и обсуждала последние новости с местными бабёнками. Издали заметив знакомую фигуру учительницы, Матрёна тотчас направилась к ней и замахала рукой.

– Здравствуй, Серафима! Постой-ка на минутку! Мне тут сказали, что ты английский преподавала? – с надеждой заглянула ей в глаза Матрёна.

– Ну да, по первой специальности я учитель английского.

– Так я тебя просить хотела, чтобы ты позанималась с Артёмкой. (Учительница вопросительно посмотрела на женщину.) Нет-нет, ты не подумай! – торопливо принялась объяснять Матрёна. – Он учится неплохо, но решил поступать на переводчика, а сама понимаешь, что нам, сельским, в этот институт поступить почти невозможно. Ему нужно хорошенько подготовиться. Вот я и подумала...

Серафима с улыбкой ответила:

– В школе Марья Петровна хвалит твоего сына. Артёмий – парень толковый. Ленился, конечно, но как без этого в его возрасте?

Матрёна широко заулыбалась, поправила платок, подошла ближе и тихо заговорила:

– Знаешь, он ведь сам готовиться начал, а теперь заладил, упрямец: «Купи мне книжки, да купи. Сам подготовлюсь». Так ты мне подскажи, какие брать! – умоляюще смотрела женщина. – Я сама не разберусь, какие ему нужны!

Серафима задумалась на мгновение, потом неуверенно предложила:

– Кое-что, конечно, из своих могу дать. А на днях я в Барнаул поеду, можно и там посмотреть.

Матрёна воодушевилась, схватила Серафиму за локоть и быстро-быстро заговорила:

– Да-да, это было бы очень хорошо! Я в долгу не останусь. Ты обращайся, если нужно. Сын дрова тебе поможет переколоть. К зиме-то, поди, не подготовилась ещё? Сколько надо наколет! Ты не стесняйся, проси обо всём, что нужно. Руки у него золотые, всё может сделать... – и с надеждой в голосе вновь спросила: – Так ты с ним позанимаешься?

Серафима неуверенно протянула:

– Как-то неловко...

– Чего неловко? Что дрова у тебя будет колоть?

Серафима чуть наклонила голову и серьёзно проговорила:

– Нехорошо это, Матрёна, когда мой ученик придёт у меня работать. Так нельзя.

– А чего нельзя-то? Ты всем, что ль, будешь рассказывать про это? А если приставать с расспросами начнут, так и отвечай, мол, сына подружки попросила помочь. И отстанут все вмиг!

Серафима чувствовала себя неловко: с одной стороны, она должна помочь толковому парню – может, это его единственный шанс осуществить мечту, с другой – не всякий поймёт «ответное добро» Матрёны, и по селу поползут сплетни.

– Ну раз так... Тогда со следующей недели начнём. Но только по выходным... – нехотя согласилась она, всё ещё сомневаясь в правильности своего решения.

– Ну, конечно, конечно! Пойду, обрадую сына! Спасибо тебе, Серафима!

Матрёна была счастлива как никогда раньше. Мечтала, чтобы сын получил хорошее образование, уехал в город и не надрывался, как она, на ферме, а стал уважаемым человеком. Артёмка был целеустремлённым парнишкой, и, когда заявил о намерении учиться на переводчика, Матрёна долго его отговаривала: «Куда ты с нашими деревенскими мозгами? Людей только смешить!» В глубине души она боялась за него – слишком высокие вершины хочет покорить. Не высоко ли решил взлететь соколик? Не опалит ли резвы крылья?

«Побольше бы таких людей, как Серафимка, – с радостью думала она, шагая к дому, – меня когда-то камнями чуть не забросали за то, что безмужняя родила сына. Та же Глашка за глаза «потаскухой» называла, старухи пальцами в меня тычили, сплетничали. Сколько боли и стыда пришлось пережить... Мои старики столько зла натерпелись от людских кривотолков, что и не упомнить всего. Так вырастили же вон какого парня! Всем на зависть, а мне на радость!»

Матрёна не сразу толстой шкурой обросла, поначалу людей чуралась, чувствуя недобрые взгляды на себе. Но от чужих глаз в деревне не спрячешься, приходилось жить, не обращая внимания на желчные слухи. А потом очерствела. И когда слышала едкие замечания о том, что у её ребёнка отец неизвестен, рубила с маху: «За своим мужиком следи. Он-то, поди, много детей в разных деревнях понаделал». Тогда у злощей бабы рот надолго закрывался, и гнев она направляла на своего нерадивого, а, возможно, и ни в чём не повинного супруга.

За шестнадцать лет Матрёна так и не решилась привести мужика в дом. В селе кто-то искренне её жалел, кто-то не понимал её и крутил у виска, но Матрёна не обращала внимания на злые языки, жила себе тихой и праведной жизнью.

Глава 6. Ночной гость

В окно кто-то торопливо постучал. Серафима приподнялась на локте, вглядываясь в темноту за окном. На улице разыгралась непогода: дождь хлестал по крыше, барабанил в окна, а ветер, обиженно завывая, раскачивал старые деревья. Они надсадно и заунывно скрипели, шумя ещё не опавшей листвой. Где-то вдалеке заливались лаем псы.

Женщина хотела встать и послушать у двери, спустила ноги с кровати, но замешкалась. От стылого пола тянуло холодком, а сонное тело не желало подчиниться. Она прислушалась – стук не повторился. «В такую ночь только и шастать по улицам, – подумала Серафима. – Наверное, ветер в ставни бьёт». И закутавшись потеплее в одеяло, она снова попыталась уснуть.

Закуталась потеплее в одеяло, но едва её голова коснулась подушки, в тот же миг стук повторился – теперь уже увереннее, настойчивее. Сон слетел, как зыбкий песок.

«Кто мог пожаловать в такую ночь?» – испуганно подумала она и, шлёпая босыми ногами, подошла к окну. Вглядевшись в темноту, Серафима различила мужскую фигуру. «Кто это?» – испуганно прошептала она, рука сама потянулась к спинке стула.

Нашупав тонкую, невесомую шаль, она не отрывала взгляда от незнакомца, отчаянно пытаясь понять, кто этот странный гость, явившийся посреди ночи.

Внезапная догадка ошарашила её. Она вдруг ощутила, как почва уходит из-под ног, и в ужасе чуть не вскрикнула: «Нет-нет-нет! Только не он! Господи, как он меня нашёл?!» Серафима отпрянула от окна, сердце бешено забилося, от ужаса свело колени.

– Хозяйка, открой! – раздался снаружи глухой, низкий мужской голос.

Серафима снова подошла к окну. В темноте слабо различимый силуэт начал обретать знакомые черты.

– Поговорить надо, – голос мужчины стал громче, он казался до боли знакомым.

«Дмитрий?! – не веря своим глазам, прошептала она. – Поговорить? Что-то с бабушкой?» – вдруг догадалась и, поспешно накинув шаль, пошла открывать.

Дверь, запертая на один лишь кованный крючок, тяжело подалась и со скрипом распахнулась. На пороге стоял Дмитрий, насквозь промокший под дождём. С волос и куртки струились холодные ручейки. Он смотрел на Серафиму виновато и смущённо:

– Я поговорить пришёл...

Серафима впустила ночного гостя и тихо затворила за ним.

– В такую непогоду? Разговор до утра не ждёт? – спросила она с укором, но в то же время с радостью понимая, что в этот раз её страх был напрасным.

В ответ он мотнул головой и, стягивая сапоги, устался на её босые ноги:

– Ты бы обулась – застудишься.

Она жестом указала рукой на стул, а сама подошла к печи, ощутив, что в доме стало достаточно прохладно. Подбросив пару поленьев на тлеющие угольки, она с нескрываемым любопытством посмотрела на мужчину, ожидая объяснений его позднему визиту. Сначала ей почудилось, что гость явился с дурными вестями о бабушке. Но, если бы дело было так, то он бы сказал об этом сразу, с порога. Значит, причина была в другом...

Дмитрий хрипло кашлянул в кулак.

– Мы оба понимаем, что так жить нельзя ... – неуверенно начал он объяснять, уставившись в пол, но запнулся на полуслове.

Серафима удивлённо вскинула брови:

– А как можно?

На мгновение ей показалось, что мужчина пьян, и она уже придумывала, как бы побыстрее его выпроводить. Но Дмитрий стоял крепко, и спиртным от него не пахло. Однако глаза его блестели странным, манящим огнём, и в их глубине можно было утонуть.

– Да что тут говорить! – Дмитрий шагнул к ней, обнял крепко – не вырвешься.

Серафима в возмущении пыталась оттолкнуть его, но разве совладать ей с его-то силами? Рядом с ним она казалась хрупким птенчиком. Он забыл о мокрой, холодной одежде, которую не успел снять. Серафима же не сразу осознала, что её ночная сорочка насквозь промокла. В этот миг её тело словно охватило огнём, а его горячее, близкое дыхание вскружило голову. Мир перестал существовать, звуки стихли, и лишь громкое тиканье часов напоминало, что они стоят, обнявшись посреди комнаты.

Он шептал нежно, томно, от него веяло родным, но давно забытым теплом:

– Зачем ты вернулась? Раны бередишь, сил нет! Мимо школы ходить боюсь – с тобой бы не столкнуться. Посмотришь, словно кипятком ошпаришь. А я, как влюблённый мальчишка, каждое утро огородами крадусь, только бы с тобой не встретиться.

Он хотел нежно поцеловать её, но Серафима замерла, отворачиваясь в смущении и пряча лицо на его груди:

– Дима, не нужно... жена ведь... семья...

Женщина попыталась ему сопротивляться, беспомощно трепыхаясь в его объятиях, силясь оттолкнуть. Но это получилось слабо и неуверенно. Её разрывали противоречия, но прежние, застарелые и давно забытые чувства оказались сильнее.

– Боже мой, что мы творим! – вырвалось у неё из груди, и, увлекаемая нежными прикосновениями, она не могла, а может, не хотела оттолкнуть его. Ослабевшей рукой лишь упёрлась в грудь, ощущая под ладонью горячий и сильный стук сердца.

Касаясь шеи, он целовал и шептал: «Прости меня. Я тогда сглупил». Серафима перестала сопротивляться. Она затихла, поддавшись его ласкам, растворяясь в нежности его рук.

Будет ли она себя корить за ошибку или нет – теперь это не имело значения, и всё, что было до этого момента, потеряло смысл. Серафима коснулась его лица. О, как она желала дотронуться до него все эти годы!

Ладони почувствовали мягкую щетину на его подбородке, губы отозвались на прикосновение. Она взяла его лицо в свои руки и долго смотрела в глаза, блестящие тёмной зеленью. Он осторожно коснулся её губ, и голова её закружилась. Страсть охватила её разум, всё вокруг стало ощущаться как в тумане.

Серафима больше не понимала, что делает, а страхи и сомнения испарились. Она знала лишь одно: былые чувства, которые она так усердно прятала все эти годы в потаённых уголках своего сердца, вспыхнули с новой силой, ещё ярче, ещё сильнее, лишь стоило Дмитрию оказаться так близко от неё. На каждое её касание отзывались его губы, нежно и неистово. Тело растворилось в нежности, трепетно отвечая взаимностью. «Пусть хотя бы эту ночь я буду с ним счастлива, – пронеслось отчаянное в её голове. – Пусть потом корят и упрекают, но сейчас я хочу быть счастливой...»

Он подхватил её на руки – такую тихую, нежную – и понёс в комнату. Страх отступил, мысли о будущем растворились. Время замерло, и казалось, что во всей вселенной остались только они вдвоём. В тот миг она осознала, что всё ещё любит Дмитрия. Как же долго она убеждала себя в обратном! С тех пор, как он женился, она долгие годы не переставала себе твердить, что их пути всегда были разными, что все чувства давно угасли, что детская влюблённость не может длиться вечно. Долгие годы она старательно обманывала себя, но одно лишь его прикосновение, один лишь его поцелуй – и все иллюзии рухнули. И эта любовь вернулась к ней, словно из самой юности, такая трепетная и давно забытая...

... Свернувшись клубочком под одеялом, она прижалась к его горячему телу. Он лежал на спине, заложив руки за голову, и задумчиво смотрел в потолок, погружённый в свои мысли.

– Я почему-то думал, что у тебя семья есть, дети... Восемь лет – немалый срок, – его голос прозвучал неожиданно резко, нарушив безмятежную тишину.

– Немалый... – эхом отозвалась Серафима, но продолжать разговор ей не хотелось, внутри что-то протестовало и болезненно сжималось.

– И что же? – приподнялся он на локте и внимательно посмотрел в её глаза.

Серафима медленно села на кровати, подтянув одеяло повыше и, обняв колени, глухо отозвалась:

– Не сложилось...

Дмитрий долго молчал, обдумывая её слова. Потянулся за папиросой, но в темноте не нашёл пачку, замешкался. Снова улётся и на миг задумался о том, что он совершенно её не знал. Ему захотелось поговорить, понять её, узнать эту новую, изменившуюся и будто надломленную женщину. И неуверенно прошептал, словно боясь спугнуть что-то хрупкое и нежное, затаившееся в их душах:

– Из-за детей разошлись?

Серафима вздрогнула. В душе поднимался едкий яд воспоминаний, и разговор её теперь мучил. Она ещё сильнее прижала колени к груди и прошептала:

– Почти.

В воздухе повисло напряжение, словно в этот миг до предела натянулась струна и, пронзительно свистнув, порвалась. И вот по её щекам потекли предательские слёзы. Дмитрий, не заметив этого, лишь тяжело и шумно вздохнул:

– А я все эти годы жалею, что тогда сглупил... Может, по-другому жизнь сложилась бы... – тяжело и шумно вздохнул Дмитрий, не видевший её слёз, в которых отчасти был виновен.

– Может...

Он осторожно коснулся её обнажённой спины, замер, прислушиваясь к её дыханию. Словно боясь причинить боль, нежно провёл по золотистым волосам, струящимся по спине, затем скользнул жёсткой горячей ладонью по её тонкой руке, перехватил её холодные пальцы и положил её ладошку на свою, огромную:

– Так и не выросла... Всё такая же маленькая и невесомая...

Серафима с изумлением наблюдала, как суровый и грубый мужчина проявлял глубокую нежность и чуткостью. Она молчала, но каждой клеточкой тела впитывала его прикосновения, стараясь запомнить каждое движение, каждое мгновение. И страшно было хоть на миг закрыть глаза – вдруг наваждение рассеется, и любимый исчезнет.

– Ты даже не представляешь, как сильно ты меня изменила. В юности я нравился девочкам, и это мне льстило. Если девушка признавалась в любви – я радовался, торжествовал и подло пользовался чужими чувствами. А сам тут же себя успокаивал, что это ненастоящая любовь, а просто влюблённость. Играл чувствами других, и это мне нравилось. Дурак был, чего уж скрывать! А с тобой всё было иначе. С тобой я начал смотреть на жизнь по-другому. И странно, ты всегда вела себя скромно, не крутила с парнями и мне редко попадалась на глаза. Я ведь толком тебя и не знал, но за тебя я был готов порвать любого, даже не задумываясь. А как я тебя ревновал! Вёл себя как дурак! Чуть со старыми друзьями не передрался. Помнишь, на покосе с Сашкой и Васькой сцепился?

– Помню...

– Мне казалось, что роднее тебя у меня никого нет. Странно... Сколько раз я порывался, но... трогать тебя боялся... думал, что ты как ангел, нельзя обесчестить. Тебе ведь тогда всего шестнадцать было. Ребёнок ещё, если подумать... Я хотел, чтобы ты пошла за меня по любви... Хотел, чтобы всё по-настоящему... – и с какой-то угрюмой злостью добавил: – А один паскудник посмел тебя тронуть.

Она обернулась, и в её глазах мелькнул испуг. Он опередил её немой вопрос:

– Думала, я не узнаю? Я тогда уже всё знал... Боялась, что убью его?

Серафима молчала, в глазах снова заблестели слёзы: воспоминания о прошлом были невыносимо болезненны для её измученной души.

Но Дмитрий, с горькой усмешкой, закончил:

– Не убил бы. Не стоил он того.

Воцарилась тишина. Дмитрий, шумно вздохнув, встал с кровати, нашарил рукой пачку папирос, вынул одну и уже собирался закурить, но что-то вновь остановило его. Он швырнул пачку на пол и с горькой усмешкой проговорил:

– Вот как получается. У тебя не сладилась семейная жизнь и у меня не складывается... сколько лет уже...

В горле застрял комок, ему вдруг захотелось уйти прочь. Он метнул взгляд на пол, искал глазами одежду, но её ладонь, легко и нежно скользнувшая по его руке, остановила его порыв. Это прикосновение заставило его передумать. Он обернулся, в глазах блеснула надежда:

– Что теперь мешает нам быть счастливыми?

Но в этот раз нежное объятие не одурманило Серафиму. Она отстранилась:

– А как же семья и сын?

– Семья? У нас нет семьи! – в его голосе звучала горечь и разочарование.

– Так нельзя, Дима!

Он грустно и пристально посмотрел на неё:

– Чего ты боишься? Неужели ты сама этого не хочешь? Неужели тебе важнее мнение других?

– Дело не в этом.

– Тогда в чём?

– Я так не могу! Так нельзя, понимаешь?! На чужом несчастье счастья не построишь...

Он замолчал, отпустил её и снова лёг на кровать, заложив руки за голову. В звенящей тишине слышались завыванье ветра и далёкий лай собак.

При тусклом свете лампы Серафима заметила длинный рубец на его груди, провела по бугристому и гладкому шраму холодными пальчиками:

– Что это?

– Поранился... – холодно усмехнулся Дмитрий.

Она тихо поцеловала шрам, и в тот же миг ощутила тепло ладони на своей голове, он шептал:

– Я искал тебя. Однажды не выдержал и зашёл к Агафье. Стал требовать твой адрес, а она, представляешь, вздумала со мной воевать? Говорит: «Не дам», – и точка! Пригрозил, что в противном случае сам дом перерою. А она – за ухват и давай охаживать. Вот тебе и боевая старушка!

Серафима улыбнулась:

– Я об этом не знала. Наверное, переживала за меня.

– Знаешь, я всё равно тебя нашёл. Попросил знакомую с почты поискать твой адрес. А потом как-то с работы направили меня в город, я загрузился, а на обратном пути заехал по тому адресу и... увидел тебя.

– Почему не подошёл?

Дмитрий нехотя выдавил:

– Ты не одна была. С каким-то парнишкой. Решил, что опоздал... Дураком себя почувствовал. Как это было бы: «Здравствуй, вот он я»?!

– Наверное, это был мой брат...

– Наверное... – глухо отозвался он и с раздражением прибавил: – Да, и потом эта свадьба с Глашкой... Уже было ни к чему...

Печь затихала, догорающие дрова больше не потрескивали. Дмитрий встал, накинул на петлю дверной крючок, выключил свет, потоптался на кухне, вновь помял пачку папирос в

руке, но так и не решился закурить. Сел на край кровати, о чём-то раздумывая. Неожиданно почувствовал на спине холодок её ладони, обернулся, грустно посмотрел на неё.

– Побудь со мной, – тихо попросила она.

Вскоре он уснул, крепко сжав её в объятьях. Серафима же осталась наедине с дождём. Она ещё долго смотрела в окно, на струи, стекающие по стеклу, на качающийся ствол молодой берёзы, полоскающей стлтые ветви на ветру. Нахлынули воспоминания о тех долгих годах, прожитых словно в тумане. Возможно, именно желание забыть прошлое толкнуло её на необдуманный брак. Первый год жизни супругов был полон надежд, но затем... затем пришлось бежать... бежать, не зная куда, лишь бы подальше от того, что стало невыносимым.

Глава 7. Измена не порок?

Глашка вся извелась – муж дома не ночевал. Всю ночь в кровати провертелась, с каждым пёсьим лаем подскакивала к окну, мучаясь ожиданием. «Ну, неужто к этой блаженной пошёл?» – крались скользкие, неприятные мысли. – «Неужто у неё заночевал? Нет, такого быть не может! Разве простил он ей?!» От этих мыслей напрочь слетел сон, кто-то метлой смёл. Она села на кровати, поводя воспалёнными глазами по сторонам, ей непременно нужно было что-то дельное предпринять. Вот только что?

Сколько себя помнила, всегда по-своему делала, и всё получалось, как ей надо было. Год за годом она ловко управляла своей семейной жизнью, мужик и знать-не знал, в какую паутину угодил...

За стенкой мирно посапывал Степан, тикали часы, кошка проснулась, мурлыкнула, потянулась и вновь свернулась клубком в ногах.

Мысли двигались в голове хаотично: «И чего он взелся на меня? Из-за Стёпки? Что не так опять сделала?». Откинула одеяло, встала с кровати, прошла по комнате. По полу слабо тянуло прохладой, и ноги начали зябнуть. Поёжилась и нехотя подошла к окну, взгляделась хорошенько: дождь бил по стёклам, ветром трепало сирень, и она беспомощно, как-то отчаянно, билась ветками о забор. На цыпочках скользнула в сени, обула галоши, накинула старую кофтёнку, отворила тяжёлую дверь и на миг замерла, прислушиваясь к звукам спящего дома.

Не успела шагнуть на крыльцо, как струи холодной воды брызнули в лицо. Она неуверенно попятилась, раздумывая: «Ну, попрусь я к ней по грязище... По окнам, что ли, буду заглядывать? В двери колотить и ругаться? К совести призывать? А если он не у неё, что тогда? На смех меня поднимет, блаженная!» Крадучись вернулась в дом и тихо затворила скрипучую дверь. Внутри приятно ощущалось тепло очага.

Внезапно озорная улыбка скользнула по её губам, огоньки чарующих изумрудных глаз заблестели чертовщинкой. Глашка подошла к зеркалу, смахнула с себя ночную сорочку и придиричиво посмотрела на своё отражение.

Яркие отблески молнии выхватывали из сумрака ночи обнажённое женское тело. Отражение было колдовским и манящим, словно она творила только ей ведомый обряд. Она смотрела на себя в зеркало с нескрываемой гордостью: красивые округлые бёдра, живот такой же плоский, как и в молодости, полноватая грудь добавила дородности в теле и женственности. «Всем хороша! Ни единого изъяна в фигуре!» – довольно подумала она. Крутнулась перед зеркалом ещё раз, внимательно себя оглядывая: «Неужто не привлекательна для мужа? Неужто не желанная?» Вновь повернулась, приблизилась к зеркалу, хорошенько рассмотрела лицо, потрогала шею.

Большие зелёные глаза поблескивали в темноте бездонным омутом, одна бровь приподнята, словно в изумлении, другая – плавной дугой очерчена, ресницы столь же пушисты и чёрны, как в молодости, а косища-то – попробуй ухвати пятернёй: чёрная, длинная, не прибе-рёшь в тугой узел, непокорные локоны норовят выбиться из причёски. Недаром говорили, что она красотой пошла в бабку Прасковью. Тоненькая, статная Прасковья в своей молодости не одно мужское сердце вдребезги разбила, да и кротостью нрава не отличалась – посмотрит так, что холодок по телу пройдёт. Сильная и властная была, за ней всегда последнее слово оставалось, даже муж боялся ей прекословить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.